
BX 491
.C5
Copy 1

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

РѢШИЛОВСКОЕ ДѢЛО.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ

и

ѲЕОФИЛАКТЪ ЛОПАТИНСКІЙ.

Матеріалы для исторіи первой половины XVIII столѣтія.

И. Чистовича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

РѢШИЛОВСКОЕ ДѢЛО.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ
и
ѲЕОФИЛАКТЪ ЛОПАТИНСКІЙ.

Матеріалы для исторіи первой половины XVIII столѣтія.

Chistovich, Ilarion Alekseevich

И. Чистовича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХ. ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».
1861.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.
С. Петербургъ. 14 Марта, 1861 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Макарій*.

Въ началѣ XVII столѣтія въ Москвѣ появились и начали распространяться кальвинскія заблужденія. Въ современномъ оффиціальномъ актѣ по этому дѣлу говорится, что главный виновникъ этихъ лжеученій, изъ русскихъ, еретикъ «Дмитрій Тверитиновъ у префекта (Московской академіи) Прибыловича бывалъ, во многія времена, о святыхъ догмахъ въ преніи: и оный префектъ сказывалъ про того еретика, что весьма люторская и кальвинская мудрствуетъ, и великій есть хульникъ преданіямъ св. отецъ, и исправити его никакимъ образомъ не возможно». Еретикъ съ дерзостію ссылался на то, что «нынѣ-де у насъ, на Москвѣ, слава Богу, вольно всякому, — кто какую вѣру себѣ изберетъ, такую и вѣруетъ». А на увѣщанія православныхъ учителей отвѣчалъ: «тому-де я вѣрить не могу, развѣ-де изволь мнѣ написать на письмѣ, и я-де покажу учителю нѣмецкой школы, понеже весьма о томъ умѣетъ противно отвѣщать».

Заблужденія еретиковъ осуждены на московскомъ соборѣ 1714 г. 24 октября. Но такъ какъ они не переставали колебать умы, то мѣстоблюститель патріаршаго престола, рязанскій митрополитъ Стефанъ, составилъ въ обличеніе ихъ книгу *Камень вѣры*. Книга эта навлекла на Стефана много непріятностей отъ бывшихъ въ руской службѣ иностранцевъ — лютеранъ и кальвинистовъ, и отъ согласныхъ съ ними по убѣжденіямъ русскихъ, и не была издана до смерти сочинителя.

Послѣ Стефана взялся за это дѣло близкій къ нему человѣкъ, преосвященный Ѳеофилактъ Лопатинскій и издалъ *Камень вѣры* въ 1728 году. Но едва онъ явился, какъ противъ него ополчились протестанты въ Россіи и въ чужихъ

земляхъ. Въ «Лейпцигскихъ ученыхъ актахъ» 1729 г., въ маѣ мѣсяцѣ, помѣщенъ былъ на него строгій разборъ. Въ томъ же году въ Москвѣ явилась книга, написанная въ видѣ письма отъ іенскаго богослова Буддея къ нѣкоему московскому другу, противъ Стефана Яворскаго.

А между тѣмъ и въ Россіи кто-то выпустилъ бранную на Яворскаго тетрадь, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о книгѣ Камень вѣры» [1] (по другимъ спискамъ: Молотокъ на Камень вѣры [2]). Въ этой тетради, въ 15-ти статьяхъ, представлено опроверженіе на нѣкоторыя мысли Камня вѣры, съ лютеранской точки зрѣнія; а въ предисловіи къ этому разбору сочинитель Камня вѣры представленъ Іезуитомъ, который хочетъ подчинить русскую Церковь папѣ и ввесть въ ней латинство. Кто былъ сочинитель этой рукописи — трудно угадать. Видно только, что онъ близко зналъ Яворскаго съ молодыхъ лѣтъ, и въ то же время хорошо зналъ дѣла нашей Церкви, наше церковное ученіе и обряды.

Сказавъ о пребываніи Яворскаго за границею въ Галицкихъ и Польскихъ училищахъ, сочинитель пасквиля прибавляетъ, что онъ напитался тамъ римскимъ ученіемъ и, послѣ того, прибывъ въ Кіевъ, насѣялъ тамъ латинства, «о чемъ многіе ученые, бывшіе по немъ тамо ректоры, истину сію засвидѣтельствуютъ». Этимъ обстоятельствомъ сочинитель объясняетъ происхожденіе высочайшаго указа 5 сентября 1720 года, которымъ запрещено было печатать малороссійскія книги безъ предварительнаго разсмотрѣнія и одобрѣнія духовнаго правительства.—«Въ витійствѣ, продолжаетъ сочинитель, Яворскій имѣлъ даръ удивительный, и едва подобные ему въ учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случалось видѣть въ церкви, что онъ могъ въ ученіи слушателей привесть (заставить) плакать или смѣяться; чему много помогало искуство тѣлодвиженія, которое ему

---

[1] Рук. Рум. Муз. № CCCCLXVII.

[2] Опис. Рук. Гр. Толст. Отд. IV, № 58.

дала природа». Подъ видомъ похвалы тутъ выражается укоръ Яворскому за перенятые у католиковъ способы возбуждать чувства слушателей свободными тѣлодвиженіями. — Послѣ того сочинитель порицаетъ Стефана за родственныя пристрастія въ распредѣленіи должностей и мѣстъ по духовному вѣдомству, и за происшедшіе оттого безпорядки [1],—за происки къ достиженію патріаршаго престола,—за неисполненіе тѣхъ обѣщаній, на которыхъ поручено ему было Государемъ блюстительство патріаршаго престола, — за сопротивленіе учрежденію св. Сѵнода и подписанію регламента, — за написаніе книги объ антихристѣ, и прочее [2].

«Бѣдный Стефанъ митрополитъ, и по смерти его побиваютъ каменіемъ», говаривалъ Ѳеофилактъ. Въ разговорахъ съ довѣренными людьми Ѳеофилактъ прямо высказывалъ, что Буддеева апологія подложная, сочинена Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и друзьями его напечатана въ Ревелѣ.

Князь Д. М. Голицынъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ людей своего времени и почитатель памяти Яворскаго, просилъ Ѳеофилакта написать отвѣтъ на эту апологію. Ѳеофилактъ согласился, но дошедши до текста св. Василія великаго, о которомъ сомнѣвался, точно ли онъ принадлежитъ этому святому отцу, остановился, не имѣя нужныхъ книгъ подъ руками. Въ это время дошло до него извѣстіе о кончинѣ рижскаго

[1] «Поопредѣлилъ въ Москвѣ неграмотныхъ священниковъ—своихъ любимцевъ и надъ ними поставилъ малоученаго брата своего Ѳеодора»... Безпорядочные поступки Ѳеодора падали укоромъ на Стефана. Въ сентябрѣ 1708 г. новгородской митрополитъ Іовъ писалъ къ троицкому архимандриту Сильвестру: «посылаю къ тебѣ нѣкоторыя вѣдомости, благоволи тыя прочитати и отнюдь никомуже являти, кромѣ удобныхъ и вѣрныхъ твоихъ совершенно. За озлобленіе и досаду и великія обиды господина превысочайшаго, іерарха святѣйшаго, митрополита рязанскаго, двѣнадцать человѣкъ въ Великій Новградъ взяты и многіе изъ нихъ зѣло жестоко пытаны и рваны, даже внутреннимъ ихъ являтися; а съ пытокъ въ самомъ маломъ нѣчесомъ повинилися, и на брата архіерейскаго многія вины и несносныя обиды себѣ въ распросахъ сказали — въ томъ хотятъ и умертвитися. И судьямъ сіе подъ сомнѣніемъ». (*Странникъ*, февр. 1861 г. стр. 84).

[2] Впослѣдствіи Арсеній Мацѣевичь написалъ «Возраженіе на пасквиль лютеранскій, нареченный молотокъ на книгу Камень вѣры». Въ немъ онъ опровергаетъ, шагъ за шагомъ, клеветы пасквиля, направленныя лично на Стефана, и иное обличаетъ прямо, какъ ложъ, а иному противопоставляетъ лютеранскіе ихъ обычаи: у васъ — лютеранъ тоже, да и того хуже.

протоіерея Семена Ярмирковскаго, человѣка образованнаго, изъ воспитанниковъ московской академіи. Ѳеофилактъ зналъ, что онъ оставилъ послѣ себя хорошую библіотеку, которая не нужна его наслѣдникамъ, и рѣшился купить ее. Отправивъ по этому случаю въ Ригу калязинскаго архимандрита, Іоасафа Маевскаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему и другое порученіе — привезть образчики латинскихъ шрифтовъ рижской типографіи, въ которой будто бы онъ хотѣлъ напечатать свою книгу. Вѣроятно, Ѳеофилакту хотѣлось увѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ на счетъ мѣста изданія Буддеевой апологіи. Архимандритъ Маевскій ѣздилъ въ Ригу съ 25 ноября по 27 декабря 1730 года.

Въ августѣ того же года Ѳеофилактъ отрѣшенъ отъ присутствія въ св. Синодѣ. Послѣ коронаціи императрицы Анны Іоанновны, онъ пріѣхалъ было, по обычаю, въ Собраніе. Это было въ неприсутственный день. Секретарь показалъ ему списокъ вновь назначенныхъ членовъ. Не видя въ этомъ спискѣ своего имени, онъ догадался, что отрѣшенъ и отправился въ епархію. Всѣ удивились, когда онъ возвратился въ Тверь. А калязинскій архимандритъ, Іоасафъ Маевскій спросилъ: «ктожъ нынѣ въ св. Синодѣ членами?» Архіепископъ назвалъ ихъ по именамъ и прибавилъ: «такихъ выбралъ преосвященный новгородскій, что никто слова не смѣетъ промолвить.»

Между тѣмъ, противъ книги Буддея, въ защиту Камня вѣры, въ томъ же 1730 году, напечаталъ сочиненіе доминиканецъ Рибейра, бывшій тогда на коронаціи императрицы Анны, при испанскомъ послѣ, герцогѣ Лиріи. Сочиненіе это имѣло видъ отвѣта Буддею (Responsum antapologeticum) и посвящено было императрицѣ. По заглавію судя, оно напечатано въ Вѣнѣ (Vienae, 1730 г.): но Ѳеофанъ догадывался или подозрѣвалъ, что оно русскаго происхожденія или, по крайней мѣрѣ, издано при содѣйствіи русскихъ, и ужъ, конечно, не друзей его и напечатано въ Россіи, и въ этомъ смыслѣ предложилъ св. Синоду — собрать изъ русскихъ типографій нужныя справки. «Въ московской, кіевской и черниговской

типографіяхъ справясь, каковыя имѣются въ нихъ азбуки латинскихъ литеръ, которыми печатались и печатаются латинскія книги, — тѣхъ азбукъ всѣхъ, не упуская ни одной (подъ смертною казнію) литеры набравъ порядочно съ достодолжнымъ искусствомъ, дабы ясно было всякому человѣку ко чтенію и смотрѣнію, такожъ — сколько ни есть по великороссійскому названію заставицъ, а по малороссійскому называнію празалокъ, которыя печатаются для украшенія въ починѣ книги, — оными литерами каждой азбуки напечатать молитву Господню: Отче нашъ *(латинскимъ, а не русскимъ языкомъ: Pater noster)* [1] и прочая до окончанія, и по напечатаніи прислать св. Синоду, для разсмотрѣнія, въ самой скорости, понеже въ томъ обстоитъ нѣкоторая не малая нужда. 2) Архимандритамъ обрѣтающихся въ Москвѣ монастырей — андроніевскому Кипріану и спасскаго училищнаго Стефану допросить служителей московской типографіи, которые печатаніе книгъ отправляютъ, и другихъ, бывшихъ въ нижеозначенныхъ годахъ, всѣхъ безъ всякаго изъятія, не оставляя ни одного человѣка, подъ присягою, секретнымъ образомъ, порознь, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, подъ опасеніемъ за лживое показаніе или утайку нетокмо каковаго жестокаго наказанія, но и лишенія живота въ надлежащемъ мѣстѣ, о нижеслѣдующемъ: въ 1728, 1729, въ 1730, 1731 и 1732 годахъ въ той московской типографіи или въ какомъ либо ни есть въ Москвѣ мѣстѣ, по просьбѣ чьей или по приказу бывшихъ въ тѣхъ годахъ командировъ московской типографіи, или кого изъ синодальныхъ членовъ, *или другихъ, какого бы ни было званія, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ лицъ*, не печатаемо ли было, тайно или явно, каковой ни есть книги латинскимъ діалектомъ, обрѣтающимся въ типографіи или даннымъ особливо отъ оныхъ упоминаемыхъ персонъ, или и кромѣ ихъ — сторонними, кто бы они ни были?—И буде было таковое печатаніе книги, то въ какой силѣ

---

[1] Курсивныя слова вставлены или поправлены рукою Өеофана.

и отъ кого именно о печатаніи той книги тѣмъ мастеровымъ людямъ говорено было и приказывано, и просто ль безъ запрещенія, или съ каковымъ ни есть запрещеніемъ, и для какой или каковыхъ причинъ? 3) Допросить и о томъ: въ означенныхъ годахъ таковыя книги на латинскомъ діалектѣ, каковая сочинена (противъ написанной апологіи знатнаго [*иностраннаго*] богословца Буддея о погрѣшностяхъ, обрѣтающихся въ книгѣ: Камень вѣры) плутцомъ *монахомъ* доминиканомъ Риберою, бывшимъ въ Москвѣ при испанскомъ послѣ дукѣ Делиріи, печатаніе тайно или явно было ли? а именно въ московской типографіи, въ домѣ бывшаго директора оной типографіи Барсова, или на обрѣтающемся въ Москвѣ подворьѣ ипатскаго, что на Костромѣ, монастыря, или въ чудовѣ монастырѣ, или же въ другомъ какомъ мѣстѣ? И ежели то печатаніе подлинно было: когда тò именно началочь и окончилось, и гдѣ изъ оныхъ мѣстъ, и чьимъ-то стараніемъ собственнымъ произвожено было, а именно — Барсова ли, или бывшихъ архимандритовъ чудовскаго Колепки (Кулябки) и ипацкаго-Малиновскаго? И каковые сначала и отъ кого изъ оныхъ персонъ о напечатаніи той книги рѣчи говорены были? съ похваленіемъ ли оной книги, и буде съ похваленіемъ — каковымъ образомъ и за чтò? И не говорено ль было отъ кого изъ тѣхъ, когда приступъ былъ къ печатанію ея, чтобъ никто о печатаніи той книги, нигдѣ, никому и ни для чего не разглашалъ, подъ опасеніемъ не малаго истязанія (по примѣру таковому, какъ печатаемы были секретно, въ нѣкоторомъ мѣстѣ, по указу ея и. в. въ 1731 году, настоящія о наслѣдникѣ россійскаго престола присяги), и яко бы ту книгу тайно велѣно напечатать по указу ея и. величества. И буде тако оное происходило — и отъ кого изъ тѣхъ именно, и не былоль тѣмъ мастеровымъ людемъ давано за печатаніе той книги какого награжденія, и буде было — чѣмъ и сколько и кто давалъ. И при тѣхъ ихъ допросѣхъ объявить имъ мастеровымъ людемъ съ крѣпкимъ обнадеживаніемъ, чтобъ они подлинно знали и были бъ весьма надеж-

ны, понеже имъ за напечатаніе оной книги, хотя они каковое зато награжденіе получили, по высокомонаршему и милосердому е. и. в. разсужденію, въ вину не причтется. А то все дѣйствіе производить въ оной московской типографіи, или въ спасскомъ училищномъ монастырѣ, въ особливомъ мѣстѣ, и притомъ произвожденіи того дѣйствія быть московской типографіи секретарю Дурасову.» На концѣ приписано рукою Ѳеофана: «притомъ же и обыскать въ Кипріановыхъ домѣхъ, нѣтъ ли какихъ латинскихъ сочиненій, письменныхъ также и печатныхъ, полные ли будутъ или каковые ни есть лоскутки. И оные собравъ въ одинъ пакетъ и запечатавъ, прислать въ С.-Петербургъ въ св. Синодъ, ничего и малаго непророня и не утаевая.»

Рибейра дѣйствовалъ подъ покровительствомъ герцога Лиріи и посвятилъ свой трудъ императрицѣ. Въ Россіи въ эту пору религіозныя и политическія партіи перемѣшивались между собою, но большею частію первыя примыкали къ послѣднимъ. Сильные иностранцы-лютеране въ тужъ пору представляли собою движеніе, преобразованія, улучшенія; къ нимъ ютились и тѣ высшія духовныя лица, которыя хотѣли удержать вліяніе на ходъ дѣлъ. Противную партію составляли любители старины — Долгорукіе, Голицыны, Трубецкіе, Лопухины, Рѣпнины; къ нимъ примыкали тѣ изъ духовенства, которые желали поддержанія или возстановленія прежнихъ порядковъ; въ этой-то партіи и плодились всѣ толки о старыхъ обычаяхъ, о патріаршествѣ; къ нимъ же ютились и католики, какъ бы, соединяясь противъ общей опасности отъ усиливавшагося въ Россіи лютеранства, а на самомъ дѣлѣ замышлявшіе подчинить ее папѣ.

Первые укоряли послѣднихъ въ латинствѣ, эти тѣхъ въ лютеранствѣ; хотя въ существѣ дѣла ни тѣ не были и нехотѣли быть лютеранами, ни эти — латинцами.

Католики воспользовались этимъ обстоятельствомъ, и примкнули къ той сторонѣ русскихъ, которая враждебно смотрѣла на Петровы нововведенія и на усилившихся въ Рос-

сіи иностранцевъ. Такъ какъ эта партія хотѣла возстановленія патріаршества: то они усвоили и этотъ интересъ, и предлагали свое содѣйствіе, разумѣется съ тѣмъ, чтобы русскій патріархъ призналъ свою зависимость отъ папы. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой исторіи былъ воспитатель дѣтей, принявшей католичество, княгини Ирины Долгоруковой, урожденной Голицыной, аббатъ Жюбе. Парижская Сорбонна, все еще не терявшая надежды на соединеніе церквей, уполномочила его дѣйствовать отъ ея имени, по усмотрѣнію. Жюбе сблизился съ испанскимъ посланникомъ, герцогомъ Лиріа. Министръ — миссіонеръ, вмѣстѣ съ аббатомъ, хотѣли увѣрить Василья Лукича Долгорукова, что своимъ содѣйствіемъ задумманному дѣлу онъ пріобрѣтетъ уваженіе королей испанскаго и французскаго, и доставитъ россійскому государю титулъ Восточнаго императора, а родственнику своему, князю Якову Долгорукову, ведущему уединенную жизнь и намѣревающемуся вступить въ монашество, достоинство россійскаго патріарха [1]. Но съ паденіемъ Долгорукихъ рушилась и эта затѣя.

Доминиканецъ Рибейра, состоявшій при герцогѣ Лиріи, дѣйствовалъ безъ сомнѣнія, въ тѣхъ же видахъ. Ближайшимъ образомъ мы видимъ у него тѣже симпатіи и антипатіи, какъ и у русскихъ — партіи Голициныхъ и Долгорукихъ. «Иностранныхъ въ Россіи мужей — писалъ Ѳеофанъ, разбирая его сочиненіе, — ругательнѣ нарицаетъ человѣчками или людишками, и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно на кого онъ за пропитаніе иностранныхъ въ россійскомъ государствѣ нарѣкаетъ! Презеса петербургской академіи злодѣйствомъ опорочивъ, придаетъ сію рѣчь: «и то де не дивно; понеже вси лютераны суть, что таковая ихъ правда и вѣра въ дѣлахъ гражданскихъ». Всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ многое число честные особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и въ

[1] *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопам. людей русской земли, Ч. I, стр. 568. изд. 1847 г.

гражданскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ, — неправдою и невѣрностію помаралъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ не малое учинилъ огорченіе. — Ѳеофана архіепископа новгородскаго, почтивъ титлою премудрѣйшаго, коварно порицаетъ склонностію къ протестантамъ за то, что онъ въ нѣкомъ словѣ своемъ назвалъ Буддея зѣло ученымъ человѣкомъ. Какъ сильно ученый былъ Буддей, всему ученому свѣту извѣстно; и таковымъ его славятъ и самые ученые католики. Да Рибейра клеветникъ ставитъ въ вину несогласныхъ въ исповѣданіи учеными называть. Мы многихъ и католицкаго собранія мужей, разными ученіи просіявшихъ, нарицаемъ учеными, кромѣ таковыхъ, каковъ Рибейра мудрецъ. А Ѳеофилакту, тверскому архіепископу, сочинилъ похвалы слѣдующія: «Ѳеофилактъ Лопатинскій, тверскій архіепископъ премудрѣйшій въ школахъ, и по моему извѣстію преострѣйшій Богословъ, въ епархіи пребодрѣйшій пастырь, въ Синодѣ праведнѣйшій судія, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій». Необычайная похвала, да еще тому, со которымъ Рибейра, сколько мы вѣдаемъ, рѣдко когда и видался. Въ утвержденіе того, что будто восточнаго исповѣданія люди благосклонны къ исповѣданію римскому, пишетъ слѣдующее: «не неисповѣмъ, рече, что въ Россіи случалось мнѣ съ и премудрѣйшими не малое число имѣть бесѣды, между которыми едва одного моглъ бы я познать, что католикамъ онъ весьма противенъ. Мудріи Греки не гнушаются латинами, но еще священнослуженія ихъ почитаютъ; якоже когда и самую я отправлялъ святую литургію въ великомъ монастырѣ Троицкомъ: тогда тамо благоговѣйнѣйше предстоялъ архимандритъ со многими; о чемъ тысящекратно свидѣтельствовать буду». Не сумнѣваемся, что Рибера какъ сіе, такъ и сего больше по народамъ трубить похощетъ; понеже то таковымъ мотамъ обычно и свойственно. Только же и то намъ несумнительно, что у благоразсудныхъ мужей лживецъ сей нигдѣ себѣ вѣроятія не получитъ. Кто бо толь безстыдныхъ вракъ не поплюетъ? Подлинно се не рядовое вранье». Въ заключеніе своего раз-

бора, Θеофанъ пишетъ: «Итако, по моему извѣстію, является что Рибера своимъ или чужимъ намѣреніемъ, подъ видомъ доброхотной къ исповѣданію нашему защиты, насѣялъ многое число вредныхъ плевелъ, къ раздраженію иностранныхъ народовъ на россійскій народъ, и къ междоусобной внутренней въ народѣ россійскомъ смутѣ. Приходитъ же мнѣ на мысль, что въ прежніе многіе годы, начиная отъ 1700-го, въ Италіи и въ другихъ иноземныхъ странахъ, іезуиты и прочіе католическіе духовные учители, разсѣевали непрестанно вѣдомости, будтобы блаженныя памяти Государь императоръ Петръ I-й принимаетъ или принялъ съ римскою церковію соединеніе; и ложнымъ тѣмъ слухамъ какъ греческимъ, такъ и русскимъ восточнаго исповѣданія людямъ, не малое чинили въ вѣрѣ сумнительство. Сіе же воспоминая, не могу неимѣть подозрѣнія, что не къ тому же ли намѣренію и Рибейровы въ сей книжицѣ лжесоставныя объявленія устроены?»

По этому неудивительно, что какъ Стефана, такъ послѣ него Θеофилакта считали сторонниками католиковъ, и связывали дѣло ихъ, по изданію Камня вѣры, съ римской пропагандой.

Подозрѣнія эти, въ отношеніи къ Θеофилакту усиливались тѣмъ, что онъ еще въ 1726 году, по поводу возникшихъ смутъ изъ-за церковныхъ имѣній, имѣлъ неосторожность въ довѣренной бесѣдѣ съ своимъ судьею, архим. Маевскимъ, выразиться подозрительно о Польшѣ. «Вотъ де, судья, здѣсь жить — всегда бойся». Когда Маевскій спросилъ: чегожъ бояться вашему преосвященству»,—онъ, не сказавъ ни какихъ причинъ, проговорилъ только: «когда бъ де можно гдѣ укрыться, или хотя и въ Польшу уѣхать. Ежелибъ то возможно было: то я былъ бы радъ». Маевскій замѣтилъ на это, что его преосвященство человѣкъ присяжный, и куда бъ ни уѣхалъ, вездѣ сыщутъ».

Безъ сомнѣнія, странно было бы заподозривать и трудно заподозрить православіе Θеофилакта. Вгорячахъ сказанное слово могло относиться къ православнымъ епархіямъ и монастырямъ, которыхъ въ ту пору за рубежемъ, въ

Польшѣ, было немало. Но судьи нехотѣли знать объ этомъ и связывали дѣло Ѳеофилакта съ латинствомъ.

Ѳеофилакта тревожили предчувствія скорой бѣды. «Наяву всегда боюсь и во снѣ пугаюсь», говоритъ онъ своимъ приближеннымъ. — «Чего бояться вашему преосвященству»? спрашивали тѣ. «Боюсь, чтобъ кто заочно не обнесъ государынѣ». И когда хотѣли его успокоить, Ѳеофилактъ говорилъ: «я знаю, что ея императорское величество милостива, только женское сердце пуще мужескаго».

Съ помощію купленной библіотеки Ѳеофилактъ кончилъ книгу — апокризисъ или возраженіе на письмо Буддея. Но какъ она написана была безъ высочайшаго повелѣнія: то онъ и рѣшился просить князя Голицына, чтобы тотъ постарался «о исходатайствованіи у ея императорскаго величества позволенія писать ему тое книгу».

Уполномоченнымъ лицомъ для переговора съ Голицынымъ опять былъ тотъ же архимандритъ Іоасафъ. Отправляя его въ Москву, гдѣ въ ту пору былъ дворъ, послѣ коронаціи императрицы, съ письмомъ на имя князя, Ѳеофилактъ вручилъ ему пять тетрадей русскаго перевода книги и полный латинскій оригиналъ, съ тѣмъ, что если Голицынъ полюбопытствуетъ узнать содержаніе всей книги, то Іоасафъ объяснилъ бы ему оное переводомъ съ латинскаго оригинала. Но боясь всего и всѣхъ, онъ крѣпко наказывалъ Іоасафу: «не будь-де и ты перекидчикомъ». — «Какимъ перекидчикомъ?» спросилъ Іоасафъ. «Не перекинься къ новгородскому и не отдай моей книги». Іоасафъ обѣщалъ не сдѣлать этого.

По пріѣздѣ въ Москву, Іоасафъ за болѣзнію Голицына цѣлыя три недѣли не могъ представить ему письма и рукописи. Наконецъ князь принялъ его, хотя еще не оправился и былъ въ постели. Выслушавъ письмо, которое читалъ меньшой его братъ, князь поблагодарилъ преосвященнаго и спросилъ Іоасафа: «такъ онъ на книгу Буддея пишетъ?» Архимандритъ отвѣчалъ: «да», и положилъ на столъ тетради самаго сочиненія. Князь сказалъ, что ему читать теперь нельзя

(потому что у него были руки обвязаны). Архимандритъ повторилъ просьбу Θеофилакта объ исходатайствованіи высочайшаго позволенія на печатаніе этой книги. Князь отвѣчалъ, что онъ самъ, за болѣзнію, стараться не можетъ, но чрезъ другихъ стараться будетъ, и въ этомъ смыслѣ поручилъ отписать преосвященному.

Получивъ отъ преосвященнаго Θеофилакта письмо, чтобы на сырной недѣлѣ быть въ Тверь, Іоасафъ хотѣлъ еще разъ сходить къ Голицыну, чтобы развѣдать о положеніи дѣла и спросить, не будетъ ли ему угодно дать письмо къ преосвященному? На послѣднее князь отвѣчалъ, что, за болѣзнію, писать не можетъ; а на первое повторилъ тоже, что говорилъ прежде, но прибавилъ съ укоромъ, что «преосвященному скоро этого хочется. Ужь если книга написана, то позволеніе, надѣюсь, будетъ, а тѣмъ временемъ пусть исправляетъ.» И приводилъ примѣры древнихъ св. отцовъ, Василія великаго, Іоанна Дамаскина и прочихъ, которые, написавъ свои книги, долгимъ временемъ исправляли, а потомъ объявили мірови. «Да и преосвященный Стефанъ митрополитъ, книгу *Камень вѣры* написавъ, исправлялъ долгимъ временемъ, а напечатана уже послѣ его смерти». Іоасафъ, прибывши въ Тверь, въ субботу на сырной недѣлѣ, передалъ Θеофилакту всѣ рѣчи Голицына. Ясно было, что съ этой стороны не было сильнаго желанія оказать просимое содѣйствіе.

Θеофилактъ рѣшился обратиться за помощію къ другому лицу. Это былъ троицкій архимандритъ Вирлаамъ, духовникъ императрицы Анны Іоанновны. Θеофилактъ зналъ его за человѣка мужественнаго, благочестиваго и очень сильнаго при дворѣ. Онъ отправилъ къ нему того же Іоасафа съ письмомъ, въ которомъ откровенно объяснилъ свои желанія. «Изъ дальныхъ странъ пишутъ о противностяхъ нашей вѣрѣ — писалъ Θеофилактъ Варлааму,—а мы и близь живущіе о св. церкви радѣнія не имѣемъ.» Въ тоже время Іоасафъ уполномоченъ былъ доложить духовнику словесно, что «если Си-

нодъ не позволитъ писать ему — Ѳеофилакту противъ той книги, то хотя бы повелѣлъ новгородскому архіерею писать противъ нее. Только онъ не надѣется, чтобы новгородскій такъ сильно сталъ писать.»

По прибытіи въ Москву, Іоасафъ вручилъ письмо архимандриту Варлааму на первой недѣлѣ великаго поста во вторникъ, когда тотъ шелъ во дворецъ читать ефимоны. Прочитавъ письмо, духовникъ приказывалъ ему побывать у себя въ другое время. Между тѣмъ въ тотъ же день пріѣхалъ къ нему на подворье курьеръ отъ Варлаама съ требованіемъ, чтобы онъ явился къ нему немедленно. Разными разговорами Варлаамъ задержалъ его часу до третьяго ночи, а потомъ прибыли къ нему князь Черкасскій и Ушаковъ. Это была тайная канцелярія. Варлаамъ выдалъ Ѳеофилакта. Іоасафу сдѣлали допросъ и отпустили. Вслѣдь за тѣмъ потребовали въ Москву Ѳеофилакта.

Прибывши въ Москву, Ѳеофилактъ допущенъ былъ во дворецъ и, выпросивъ разрѣшеніе писать на Буддея, сталъ было уже собираться въ Тверь, какъ явился къ нему посланнный съ приказаніемъ опять явиться во дворецъ. Здѣсь канцелярія взяла съ него сказку не только что не писать на Буддея, но и никому о той сказкѣ не сказывать, подъ смертнымъ страхомъ.

«Какъ же это случилось, что сперва позволили писать противъ Буддея и обласкали, а потомъ запретили и писать и поминать объ этомъ» — спрашивалъ Маевскій у опечаленнаго Ѳеофилакта? Архіепископъ отвѣчалъ, что—«въ бытность его во дворцѣ, въ полдень пріѣхалъ другъ новгородскаго преосвященнаго, князь А. М. Черкасскій и знатно, что по наговору онаго архіепископа князь о томъ разговорилъ ея императорскому величеству. И все это препятствіе учинилось стараніемъ преосвященнаго новгородскаго».

Іоасафа напугали эти рѣчи не меньше, чѣмъ Ѳеофилакта. Отъ двора запретили, подъ смертнымъ страхомъ, писать книгу, которая уже написана и которую онъ, своими

руками, подносилъ и показывалъ и Черкасскому, и Варлааму и Ушакову и смоленскому епископу Гедеону! Безъ сомнѣнія узнаетъ объ этомъ и новгородскій архіепископъ, всѣхъ больше заинтересованный въ этомъ дѣлѣ! А тогда нельзя ждать ничего хорошаго. И Іоасафъ, встревоженный, далъ видъ, что хочетъ укрыться поскорѣй въ свой монастырь отъ непрошенныхъ непріятностей. Ѳеофилактъ отпустилъ его; спросилъ только, гдѣ же его тетради? Іоасафъ отвѣчалъ, что они далеко заложены въ саняхъ, но что когда преосвященный пожалуетъ къ нимъ въ Колязинъ къ троицыну дню, то онъ возвратитъ ихъ его преосвященству. Мы увидимъ послѣ, что Іоасафъ таилъ въ душѣ другія мысли.

Послѣ этого, дѣло, повидимому, затихло, но не надолго. То была тишина предъ грозою. Отдаленный гулъ ея началъ раздаваться съ 1732 г., но со всею силою разразился надъ Ѳеофилактомъ *въ половинѣ 1735 года.*

Чтобъ объяснить ходъ этого дѣла, мы должны возвратиться назадъ года за четыре.

Отправляясь изъ С.-Петербурга въ Тверь въ 1726 г., Ѳеофилактъ взялъ съ собою одного іеромонаха, по имени Іосифа, прозваніемъ *Рѣшилова.* Лицо и судьба этого человѣка весьма замѣчательны, и въ дѣлѣ Ѳеофилакта имѣютъ большое значеніе. Когда-то онъ былъ раскольникомъ, но потомъ присоединился къ церкви и употребляемъ былъ св. Синодомъ по разнымъ порученіямъ въ раскольническихъ дѣлахъ. Эта спеціальность сблизила его съ Ѳеофилактомъ, который въ Синодѣ имѣлъ въ особенномъ завѣдываніи раскольническія дѣла [1] и, по извѣстному дѣлу о выгорѣцкихъ

---

[1] При раздѣленіи дѣлъ, по родамъ ихъ, между синодальными членами въ 1722 г. февр. 28, синодальному совѣтнику Ѳеофилакту Лопатинскому, вмѣстѣ съ асессоромъ Аѳанасіемъ Кондоиди поручено было вѣдѣніе раскольническихъ дѣлъ, на такихъ же основаніяхъ, какъ Гавріилу Бужинскому вѣдѣніе школъ и типографій, съ тѣмъ чтобы о важныхъ дѣлахъ они предлагали съ своимъ мнѣніемъ на общее разсужденіе Сѵнода, а которыя не важны и разсмотрѣніемъ ихъ рѣшены быть могутъ, рѣшали безъ предложенія Сѵноду по св. правиламъ, государственнымъ правамъ и по содержанію присяжной вѣрности.

раскольникахъ, имѣлъ отъ Синода порученіе составить отвѣты на раскольницкіе вопросы, предложенные выговцами Неофиту. Ѳеофилактъ полагалъ: не доведется ли ему самому отправиться на Олонецъ и лично поговорить съ раскольниками [1], и надѣялся, что Іосифъ будетъ ему полезенъ и своею начитанностію и знаніемъ разныхъ раскольническихъ толковъ и, наконецъ, можетъ быть употребляемъ для обращенія раскольниковъ его епархіи. И во всемъ этомъ горько обманулся.

Рѣшиловъ былъ чѣловѣкъ пустой и продажный, человѣкоугодливъ изъ разчетовъ, до пресмыкательства. Въ монастыряхъ, которыми онъ управлялъ съ званіемъ игумена, онъ не возбуждалъ ничего, кромѣ ненависти, своими притѣсненіями, хищничествомъ и поборами. Даже снисходительный къ нему во всемъ Ѳеофилактъ долженъ былъ писать ему иногда строгія внушенія и подвергать его строгимъ взысканіямъ. «Посланъ ты — писалъ ему преосвященный Ѳеофилактъ—во святую обитель (клобуковскую) настоятелемъ въ такомъ надѣяніи, чтобъ ты въ началѣ самъ исправленъ былъ, также и врученное вамъ, какъ братію, такъ и епархіальныя дѣла духовныя, по данной инструкціи, исправлялъ: а нынѣ слышно намъ не только отъ тамошнихъ жителей, но и отъ многихъ посторонних людей, что житіе и поступки имѣешь ты весьма не добрые и правиломъ св. апостолъ и св. отецъ противные, а именно: пріѣхавъ ты въ клобуковъ монастырь и вшедъ въ св. церковь, изъ алтаря въ царскія двери, въ мантіи входъ и выходъ имѣлъ, чего во всей Россіи и притомъ никому не дано, кромѣ высшихъ степеней архимандритовъ, а не всѣмъ архимандритамъ, о чемъ и въ настольной грамотѣ сего дерзать не велѣно. Также въ церковь не ходишь, только въ воскресные дни,

---

[1] Во время суда надъ Ѳеофилактомъ, между другими вопросами, ему предложенъ былъ и слѣдующій: «его преосвященство Рѣшилову таковыя рѣчи говорилъ ли: «быть бы намъ на Олонцѣ и противъ раскольниковъ говорить бы на ихъ присланныя отвѣты, да нынѣ время не такое»?

и для того своего выходу приказываешь, чтобы звонъ былъ, и безъ звону не ходишь; а въ поліелейные дни праздновать не велишь, и звонъ, по церковному уставу, воспрещаешь; а когда служишь — и въ томъ служеніи діаконовъ не токмо руками бьешь, но и служебникомъ въ нихъ бросаешь. А издревле въ оной обители читали на повечеріи по три канона съ акаѳистомъ: ты оставилъ. О святой обители никакого радѣнія не имѣешь, только по своимъ прихотямъ все старое переламываешь; — отчего за вашими бездѣльными и излишними прихотями и расходами святая обитель во всеконечное пришла разореніе, а паче и въ барышничествѣ твоемъ клобуковскихъ казенныхъ и собственныхъ твоихъ лошадей, чего настоятелемъ сего дерзать не надлежитъ. И не токмо что самъ ты, и кумъ твой Суворовъ всякими вымыслами, для своихъ бездѣльныхъ корыстей, священниковъ и церковнослужителей тирански мучите; но еще по сердцу своему избрали, для бездѣльнаго своего сродства, веденскаго попа Тимоѳея, и безъ выбора того города священниковъ самовольно опредѣлили въ старосты поповскіе, который, подозрительный съ тобою въ свойствѣ, по уѣзду ѣздилъ, а для чего и по какому указу, того не объявляетъ. И не токмо священникамъ съ причетники чинитъ онъ попъ Тимоѳей бѣды и разоренія, но и въ монастырь пріѣзжая, власти ругаетъ. Паче же, что ты и церковнымъ вещамъ касаешься, а именно: двѣ чаши серебряныя, которыя для соединенія божественныя службы построены, взялъ ты себѣ въ келью, а вмѣсто тѣхъ поставилъ оловянныя; да и другія церковныя вещи забираешь себѣ въ келью.» Архіепископъ прощалъ ему вины, если онъ исправится. «Если же опять какое на тебя будетъ доношеніе, то на тѣлѣ твоемъ будетъ положеніе немалыхъ ранъ и изверженіе изъ игуменскаго сана. Да ты жь, разверши свое адское горло, при многихъ знатныхъ особахъ кричишь, что въ Кашинѣ и въ уѣздѣ вѣхъ поповъ разорю, и что взятки беру для того, что у меня у всѣхъ глаза за-

лѣплены и никого-де не боюсь.» Письмо оканчивается собственноручною припискою Θеофилакта: «о семъ тебе остерегаетъ Θеофилактъ, архіепископъ тверской и кашинскій». Марта 19, 1729 г.

И такого человѣка Θеофилактъ имѣлъ неосторожность принять въ довѣренность и держалъ подлѣ себя, когда видѣлъ на каждомъ шагу измѣны.

Въ такихъ же отношеніяхъ къ Θеофилакту было другое, ужь нѣсколько разъ упомянутое нами лицо—архимандритъ Іоасафъ Маевскій. Онъ былъ изъ ученыхъ: въ кіевскихъ школахъ дошелъ до реторики, слушалъ Θеофана, зналъ по латинѣ, но до философіи и богословія не дошелъ. По выходѣ изъ школъ постриженъ въ монашество въ Польшѣ, въ марковомъ монастырѣ, при игуменѣ Мелетіѣ Чайковскомъ. Въ 1714 или 1715 г. вызванъ былъ митрополитомъ Дороѳеемъ Кроткевичемъ въ Смоленскъ, для обученія дѣтей, и оставался тамъ до смерти Дороѳея; послѣ того выбылъ за рубежъ въ китычевской монастырь, изъ него опять въ марковъ, а изъ маркова вызванъ былъ снова въ Смоленскъ къ преосвященному Сильвестру «для казанія предики» и жилъ при немъ крестовымъ іеромонахомъ. Въ 1718 году мы встрѣчаемъ его уже іеромонахомъ невскаго монастыря, куда, по указу Петра великаго, велѣно было изъ малороссійскихъ монастырей присылать лучшихъ монаховъ въ надежду архіерейства. Изъ невскаго монастыря новгородскій архіепископъ Θеодосій Яновскій взялъ его къ себѣ и опредѣлилъ архимандритомъ новгородскаго антоніева монастыря. Послѣ Θеодосія Θеофанъ отпустилъ его въ Тверь, гдѣ онъ опредѣленъ (въ іюнѣ 1726 года) архимандритомъ калязина монастыря и судьею архіерейскаго дома. По тогдашнему, это довольно почетная должность. Въ бытность судьею, онъ познакомился съ Рѣшиловымъ, то-есть иногда показывалъ къ нему благосклонность; потому что между ними было большое разстояніе. «Онъ знатная персона, говорилъ потомъ Рѣшиловъ, а я червякъ, котораго всякій растопчетъ».

Въ довѣренной бесѣдѣ съ ними Ѳеофилактъ говорилъ много такого, что было не подъ силу ихъ соображенію, и впослѣдствіи навлекло на него много бѣдъ. Съ другой стороны и эти лица, пользуясь расположеніемъ и снисходительностію архіепископа, позволяли себѣ много не только неприличнаго, но прямо незаконнаго.

Обоимъ вскружило голову *будущее патріаршество* Ѳеофилакта [1]. Въ сладкихъ мечтахъ они ужь дѣлили почести. Іосифъ хотѣлъ быть епископомъ, Іоасафъ обнаруживалъ менѣе честолюбія и мечталъ о кіевопечерской архимандріи, послѣ своего дяди, печерскаго архимандрита Іоанникія Сѣню-

[1] Въ первое время послѣ смерти Петра I любители старины ожидали возстановленія патріаршества; слухи и толки увеличивались ко времени коронаціи Петра II, потомъ Анны Іоанновны. Не только въ народной молвѣ, но и въ высшихъ кругахъ назначались и кандидаты на патріаршество. Д. М. Голицынъ и И. А. Мусинъ-Пушкинъ были въ пользу тверскаго архіепископа Ѳеофилакта; Долгорукіе поддерживали ростовскаго архіепископа Георгія Дашкова; о Ѳеофанѣ — никто ни слова. Только Маевскій разсуждалъ съ Рѣшиловымъ: «ежелибъ — да чего Боже сохрани,— произвели въ патріархи новгородскаго архіерея; то живыхъ насъ поглотаетъ»; въ иныхъ кругахъ обращались имена Питирима и духовника императрицы, сергіевскаго архимандрита Варлаама. Объ одномъ изъ кандидатовъ—Георгіѣ Дашковѣ архимандритъ Маевскій разсуждалъ, «что будетъ въ томъ великое диво, какъ то произведеніе въ патріарха ростовскому учинится.» Когда на допросѣ потребовали у него объясненія: «какое же диво онъ тутъ видѣлъ», Маевскій отвѣчалъ: «это у него было въ разсужденіи потому, что онъ, бывшій ростовскій, человѣкъ не ученый, и духовнымъ персонамъ, которыя суть природою изъ малороссіянъ, будетъ великое изгоненіе, понеже онъ малороссійцевъ (какъ о томъ и прочимъ есть не неизвѣстно) весьма ненавидѣлъ.» (Допросы и показанія Іоасафа Маевскаго 7-го марта 1734 г.).— Сочинитель «Молотка на камень вѣры» пишетъ: «смертію Петровою воскресоша паки Яворскаго единомышленники, яко —Лопатинскій епископъ тверской;—Дашковъ бывъ уже отъ Петра въ заточеніе опредѣленъ, но потомъ епископство ростовское пріялъ; такожъ епископъ коломенскій помощію суевѣрныхъ вступи въ Синодъ: по своимъ прихотямъ прилежа о тиранствѣ папежскомъ трудились. Изъ которыхъ Дашковъ уже такъ близокъ былъ къ патріаршеству, что никакого сумнительства къ возведенію на престолъ не осталосъ. Но смерть Петра II-го и судъ Всевышняго не только все оное въ ничто превратилъ, но и ихъ — ростовскаго, коломенскаго и воронежскаго явно обличилъ». (Рук. Рум. Муз. № CCCCLXVII). Возражатель молотку отвѣчалъ на это: «Понеже ты дерзнулъ и непостыдился природныхъ русскихъ архіереевъ, отнюдь папства не знающихъ, и съ породы ненавидящихъ, нахально и напрасно папствомъ порицать: то уже изъ того можно видѣти, какова правда и въ прочихъ твоихъ клеветахъ.... Архіереемъ, отъ тебѣ хулимымъ, неповинно страдавшимъ, по сего свѣта мнѣнію, кончина бѣ христіанская, въ совершенной надеждѣ жизни вѣчныя.»

товича. «Дай Богъ тебѣ быть епископомъ», возражалъ Рѣшиловъ. «Благодарю Бога, отвѣчалъ Іоасафъ,—хотя по милости св. Синода въ числѣ добрыхъ людей считаюсь; ибо между прочими, какъ слышалъ, и въ кандидатахъ былъ написанъ: но того, какъ не желалъ и неискалъ, такъ и не желаю». «Каковы къ тебѣ синодальные члены»? спрашивалъ Рѣшиловъ. «Всѣ отцы и благодѣтели». «Каковъ преосвященный новгородскій?—Маевскій отвѣчалъ, что онъ учитель его, потому что онъ подъ дирекціей его преосвященства слушалъ логику». Тутъ Рѣшилову ужь далеко было гоняться за Іоасафомъ. «Ну такъ быть тебѣ архіереемъ, проговорилъ онъ, скрѣпя сердце. Надѣюсь, что и мою старость неоставишь?» «Потерпи старикъ, отвѣчалъ Іоасафъ; будемъ мы оба люди». Но вдругъ событія, а съ ними и мысли мечтателей приняли другой оборотъ.

Въ 1733 г. Рѣшиловъ обвиненъ былъ въ растратѣ казеннаго денежнаго интереса и потребованъ въ Москву къ допросу. Въ тверской епархіи его не оказалось; его нашли въ бизюковѣ монастырѣ смоленской епархіи на польской границѣ, и оттуда взяли въ Москву, гдѣ и посадили подъ арестъ.

Расхищеніе незначительной денежной казны (60 руб.) было только предлогомъ, которымъ прикрывалось другое, болѣе важное и секретное дѣло.

Въ половинѣ 1732 г. явился пасквиль на Ѳеофана, съ приложеніемъ письма отъ папы къ Ѳеофану. Очень жаль, что это письмо не было приложено къ слѣдственнему дѣлу, и потому не дошло до насъ. Но за то сохранился судебный разборъ его, составленный Ѳеофаномъ, въ трехъ статьяхъ; первая подъ заглавіемъ: *доказательство ясное, что папино письмо отъ нѣкоего плута вымышленное и каковое не только не было, но и весьма быть не могло;* вторая и третья съ исчисленіемъ признаковъ, указывающихъ точное происхожденіе письма и пасквиля. Судя по указаніямъ этихъ статей,

письмо было довольно большое; а пасквиль касался, кромѣ Ѳеофана, и другихъ высокихъ особъ.

Когда именно и какъ письмо попалось Ѳеофану, было ли подкинуто, или какъ иначе передано, неизвѣстно; но дошло такъ или иначе. Ѳеофанъ долго колебался въ подозрѣніяхъ на счетъ сочинителя и собиралъ разныя свѣдѣнія. Стоило только напасть на слѣдъ: по слѣду легко добраться до виновнаго. Ѳеофанъ очень хорошо понималъ свои отношенія къ людямъ близкимъ и враждебнымъ, и угадывалъ со всею проницательностію, откуда какой вѣтеръ дуетъ.

Его уже давно безпокоилъ одинъ человѣкъ, съ котораго онъ не спускалъ глазъ. Это былъ архимандритъ *Маркеллъ Родышевскій*. Изъ жизни Маркелла мы знаемъ только то что онъ былъ сначала флотскимъ оберъ-іеромонахомъ, потомъ судьею новгородскаго архіерейскаго дома, и за нѣкоторыя упущенія, еще въ царствованіе Петра II, содержался въ С.-Петербургѣ сперва подъ гражданскимъ арестомъ (въ преображенскомъ приказѣ), потомъ въ александроневскомъ монастырѣ подъ началомъ. Изъ различныхъ намековъ въ показаніяхъ Іосифа и Маевскаго видно, что онъ пользовался благосклонностію императрицы Анны Іоанновны, духовника ея, архим. Варлаама, князя Д. М. Голицына и нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ лицъ и подъ ихъ покровительствомъ прямо говорилъ и открыто протестовалъ противъ нѣкоторыхъ учрежденій духовнаго правительства и—будто послалъ даже къ архимандриту Варлааму докладную записку для представленія императрицѣ о возстановленіи патріаршества въ Россіи. Изъ невскаго монастыря онъ былъ переведенъ въ Москву въ симоновъ монастырь подъ началъ т. е. вѣроятно, для того, чтобы лучше наблюдать за нимъ, потому что дворъ и синодъ находились въ то время въ Москвѣ. Но и здѣсь не обошлось безъ исторіи. Слышно было (показанія Рѣшилова и Маевскаго въ 1734 г.), что, согласясь съ какимъ-то бригадиромъ, онъ составилъ подметное письмо на Ѳеофана, о которомъ знало третье лицо.

Это-то третье лицо и извѣстило о немъ Ѳеофана заблаговременно, вслѣдствіе чего задуманное дѣло осталось безъ исполненія. «А знатно то письмо дурное — разсуждалъ Рѣшиловъ: ибо де Родышевскій изъ симонова монастыря взятъ подъ караулъ». Кромѣ того бывшій симоновскій экономъ іеродіаконъ Серафимъ, въ послѣдствіи разстрига Спиродонъ Лупкинъ, въ 1734 г. мая 28, на допросѣ показывалъ, что «въ бытность его Спиридона въ монастырѣ, присланный изъ преображенскаго приказу архимандритъ Маркеллъ Родышевскій многократно произносилъ и злословилъ, при многобратіи, преосвященнаго Ѳеофана, называя его еретикомъ и ласкателемъ, и будто онъ архіерей выдалъ книги неправильныя, и вѣрѣ греческаго исповѣданія противныя, а именно *О блаженствахъ*, а другія какія, того нынѣ за многопрошедшимъ временемъ сказать не упомнитъ, и сказывалъ, что онъ на него напишетъ возраженіе; также показывалъ ему Спиридону написанную книгу, въ тетрадяхъ — откуда начался монашескій чинъ и сказывалъ, что онъ Родышевскій тое книжицу издастъ собою. Еще же онъ Родышевскій сказывалъ, что написалъ книжицу, а какую — сказать не упомнитъ, и отослалъ де съ хлопцемъ своимъ Андреемъ, а чей сынъ не знаетъ, къ архимандриту троицкому Варлааму. Еще же онъ, Родышевскій, сказывалъ ему, что написалъ на книжицу, присланную изъ Рима къ преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому, на которую-де Стефанъ митрополитъ отвѣтствовалъ кратко, а онъ Родышевскій написалъ возраженіе со всякимъ доводомъ: и просилъ-де его о томъ директоръ Михайло Авраамовъ, который пріѣзжалъ къ нему въ каждую недѣлю раза по два и по три, иногда же и въ единъ день дважды, и сиживалъ у него часа по два и по три. Еще онъ Родышевскій сказывалъ, что подано отъ него Родышевскаго на преосвященнаго Ѳеофана архіепископа ея императорскому величеству доношеніе о всѣхъ его дѣлахъ, въ бытность во псковской и въ новгородской епархіи».

Все это, а особенно подметное письмо, не могло остаться

без послѣдствій и дорого стоило лицамъ, такъ или иначе замѣшаннымъ въ эту исторію.

Но въ настоящемъ дѣлѣ, минуя Маркелла, Θеофанъ обратилъ взоръ на другихъ своихъ недоброжелателей. Припомнимъ, что архимандритъ Іоасафъ Маевскій, въ бытность въ Москвѣ, по порученію и съ тетрадями Θеофилакта, со всѣмъ неожиданно попалъ въ тайную канцелярію. Дѣло пока было не въ его лицѣ, а въ тетрадяхъ, которыя онъ привезъ съ собою. Какъ предусмотрительный человѣкъ, онъ видѣлъ, что дѣло не обойдется безъ непріятностей; а какъ человѣкъ хитрый и оборотливый, онъ слѣдовалъ правилу — держаться вѣтру и ютиться къ той партіи, которая беретъ перевѣсъ. У него тотчасъ же, послѣ открытія его порученій, родилась мысль перейдти на сторону Θеофана и, явившись съ повинной головой, просить его покровительства. Онъ могъ сдѣлать даже больше. Во время первой поѣздки въ Москву, проживая тамъ за болѣзнію Голицына, который не могъ его принять, Іоасафъ изъ любопытства снялъ копію съ Θеофилактовыхъ тетрадей. Теперь былъ хорошій случай представить этотъ снимокъ Θеофану. Іоасафъ такъ и сдѣлалъ. Этого мало — онъ представилъ свою жизнь у Θеофилакта въ такихъ мрачныхъ чертахъ, что Θеофанъ столько же за услугу, сколько по старому знакомству, помогъ ему перейти въ ставропигіальный бизюковъ монастырь.

Въ то время, когда это дѣло совершалось, Θеофанъ, можетъ быть, не имѣлъ никакихъ мыслей о тактикѣ Іоасафа. Но когда явился пасквиль, и подозрительность Θеофана перебирала и тѣхъ и другихъ лицъ, его мысль, видимо, не разъ останавливалась на Іоасафѣ. Θеофанъ догадывался, что у него съ Θеофилактомъ отношенія были не совсѣмъ такія, какими представилъ ихъ Іоасафъ. Зачѣмъ же онъ бѣжитъ отъ Θеофилакта? и бѣжитъ въ бизюковъ монастырь?

Но вотъ и еще основаніе подозрѣнію. Собирая свѣдѣнія о Рѣшиловѣ, Θеофанъ узналъ, что его въ Твери уже нѣтъ, что онъ переходилъ изъ монастыря въ монастырь и очутил-

ся тоже въ бизюковѣ монастырѣ. Здѣсь что нибудь да не такъ. Кто нибудь изъ двухъ виноватъ; но кто? Малая и почти ничтожная сама по себѣ вещь указала Ѳеофану виновнаго. Въ письмѣ часто поминалось слово: *динкую*. «Пришло же намъ, хотя и не скоро, на мысль — писалъ потомъ Ѳеофанъ, — что передъ нами, аки бы пошучуя (шутя), таковаго претворенія русскихъ рѣчей на польскія употреблялъ Рѣшиловъ, а наипаче сего слова *динкую*. И то такъ живо прибралось намъ на память, что на него о сочиненіи извѣстнаго пашквиля подозрѣніе стало и, по многомъ размышленіи, весьма утвердилось, что̀ насъ и подвинуло требовать, дабы его сыскали къ дѣлу.»

Теперь и дѣйствія Рѣшилова становились ясными. Зачѣмъ онъ бѣжалъ въ бизюковъ монастырь «который стоитъ на рубежѣ государства?» «А въ томъ подозрѣніе, писалъ Ѳеофанъ, — не для того ли онъ туды улетѣлъ, для чего и прежде Сильвестръ Медвѣдевъ туды же прибѣжа́лъ и покушался, за подобное злодѣйство, казни избѣжать? По многимъ обстоятельствамъ видѣть можно, что Рѣшиловъ на рубежъ прибѣжалъ, дабы, увѣдомленъ отъ происходящихъ на него въ дѣлѣ пашквильномъ поговоркахъ, возмоглъ себя скоро спасти переѣздомъ одной небольшой рѣки».

Слѣдующій поступокъ Рѣшилова еще болѣе усиливалъ возводимое на него подозрѣніе. Изъ-подъ аресту онъ написалъ два слезныхъ письма: одно къ Ѳеофану, дабы онъ своимъ предстательствомъ у Синода освободилъ его отъ платежа похищенныхъ денегъ; другое къ александроневскому архимандриту Петру Смѣличу, чтобы онъ попросилъ Ѳеофана, *премилостиваго отца*, объ оказаніи ему этой милости. «И сіе его къ Ѳеофану прошеніе и ласкательство, соображалъ Ѳеофанъ, не безъ подозрѣнія. Ѳеофанъ не былъ ему врагъ, да не былъ же и знатный благодѣтель. Еще же чрезъ полныя шесть лѣтъ не писалъ онъ къ Ѳеофану и, бывъ между тѣмъ въ Москвѣ, бывалъ у Дашкова ростовскаго, а Ѳеофану не являлся; и какъ о бытности его Рѣшилова въ Москвѣ, такъ и гдѣ онъ

Рѣшиловъ обращался, Ѳеофанъ отнюдь не вѣдалъ. Знатно же отъ сего Рѣшилова къ Ѳеофану ласкательства, что онъ Рѣшиловъ, размышлялъ съ собою: не пріидетъ ли кому, чтущему письмо пасквильное, на мысль, подумать и объ немъ, яко пашквильномъ авторѣ? И понеже Ѳеофана въ письмѣ пашквильномъ не легко трактуетъ, того ради таковымъ, чрезъ письма внушаемымъ своимъ къ Ѳеофану якобы доброжелательствомъ, отводить хотѣлъ отъ себя подозрительный вышеупомянутый догадъ».

Рѣшилова перевели въ Петербургъ. Въ канцеляріи св. Синода составили справку о нерѣшенныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ былъ запутанъ. Это были такія грязныя, хотя и важныя дѣла, изъ которыхъ одного было бы достаточно, чтобы этого безчестнаго человѣка, нарушителя всѣхъ иноческихъ обѣтовъ, правилъ и приличій, предать всей строгости законовъ. Но не по этимъ дѣламъ привезли его въ Петербургъ.

Слѣдованіе поручено произвесть тайной канцеляріи въ присутствіи кабинетныхъ министровъ и новгородскаго архіепископа.

Гдѣ помѣстить виновнаго на время суда? Тайная канцелярія отвѣчаетъ: «въ Синодѣ, выведши оттуда зеленскаго архимандрита Каллиста съ прочими по его дѣлу персонами, которыя держатся подъ арестомъ, на опредѣленную квартиру.» Въ 1733 г. октября 26 Ѳеофанъ объявилъ св. Синоду высочайшее повелѣніе: «іеромонаха Іосифа Рѣшилова, до котораго касается *нѣкое особое дѣло*, нынѣ отъ рожденія его и какъ отъ раскола обратился, такожъ и по дѣламъ въ св. Синодѣ имѣющимся, допрашивать обстоятельно безъ замедленія.»

Послѣ приличнаго увѣщанія къ откровенности съ угрозою «за ложь жестокаго тѣлеснаго наказанія, то есть въ надлежащемъ мѣстѣ пытки, а потомъ и смертной казни», допросъ открытъ довольно любопытнымъ вопросомъ: «рожденіе твое гдѣ и отецъ твой не стрѣлецъ ли былъ, и буде стрѣ-

лецъ, котораго полку и живъ ли, и гдѣ начальство имѣетъ и въ какомъ чина нынѣ званіи; или изъ родственниковъ и свойственниковъ твоихъ кто въ стрѣльцахъ не были ль, и буде были, кто именно, и какъ близко въ родствѣ или свойствѣ тебѣ считались; или и самъ ты въ таковомъ стрѣлецкомъ чину не былъ ли же, а буде былъ, каковымъ образомъ отъ того чина отлучился и давно ль и куда сперва, и не для явнаго ль подозрѣнія и какого именно?» «Рожденіе его — отвѣчалъ Рѣшиловъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ — въ градѣ Бѣлевѣ. Отецъ у него былъ свинскаго монастыря крестьянинъ и жилъ въ Бѣлевѣ на монастырскомъ подворьѣ дворникомъ и производилъ мелочную торговлю; въ стрѣльцахъ не былъ; а были въ стрѣльцахъ дяди его по матери въ давнихъ годахъ. Одинъ изъ нихъ померъ, а о другомъ ничего неизвѣстно».

«Въ бытность въ расколѣ не имѣлъ ли на себѣ такого званія и правленія, которое бы приличествовало къ духовному чину, и буде имѣлъ — каковое именно и въ какой силѣ исправленіе чинилъ и когда и какъ обратился къ православной Церкви»? Рѣшиловъ отвѣчалъ, что въ расколѣ отправлялъ священническую должность, именно «обоего пола людей, крещенныхъ въ православное исповѣданіе, по раскольническому мудрованію перекрещивалъ, и младенцевъ крестилъ, и исповѣдывалъ, и причащалъ полученными якобы божественными дарами отъ раскольническаго учителя игумена Іова, который напредь сего былъ тверской епархіи въ раковѣ монастырѣ и умре въ прошлыхъ годѣхъ, и въ монахи и въ монахини постригалъ, и мертвыхъ погребалъ, и родительницамъ молитвы давалъ, а литургіи по раскольницкому мудрованію и никакъ не служивалъ. А изъ раскольническаго заблужденія онъ обратился въ 1719 г. таковымъ образомъ: когда былъ въ Керженцѣ присланный отъ нижегородскаго вицегубернатора маіоръ для переписки раскольниковъ въ двойной окладъ; то онъ Іосифъ пришелъ къ нему самъ-третей, съ ученками своими—монахомъ Діонисіемъ и монахиней Аполлинаріей и объявилъ, что въ двойной окладъ они записываться не хо-

тятъ; а пусть-де насъ отправятъ къ преосв. Питириму для разговоровъ изъ Писанія. Маіоръ отправилъ ихъ. Изъясненія и увѣщанія Питирима такъ на нихъ подѣйствовали, что они всѣ трое оставили раскольничную прелесть».

На вопросъ: «почему преосв. Ѳеофилактъ не выслалъ его въ С. Петербургъ, по требованію св. Синода, когда до него касались разныя важныя дѣла»? Рѣшиловъ отвѣчалъ: «для того, что преосв. Ѳеофилактъ въ домѣ своемъ говорилъ,—развѣ-де Государь своимъ именнымъ указомъ его Іосифа отъ него архіепископа возметъ; а я-де оныхъ указовъ, которые изъ Синода присланы, не слушаю: эти указы присылаютъ моя братія. И зато онъ Іосифъ его преосвященство благодарствовалъ» (27 октября 1733 г.). Въ слѣдующихъ допросахъ показаніе это дополнено такимъ объясненіемъ, что Рѣшиловъ просилъ Ѳеофилакта не высылать его въ С.-Петербургъ. «Я желалъ бы и умереть при тебѣ, святой владыка — говорилъ онъ; и чтобы твои архіерейскія руки меня погребли». А Ѳеофилактъ въ неисполненіи указа обнадеживался тѣмъ, что собирался самъ ѣхать въ Синодъ (въ 1726 г.), гдѣ и надѣялся лично устроить это дѣло.—Далѣе цѣлый рядъ вопросовъ, составленныхъ великимъ знатокомъ слѣдственныхъ дѣлъ.—Ѳеофанъ самъ читалъ показанія, сличалъ ихъ между собою и требовалъ объясненій и дополненій [1].

Всѣ дѣйствія Рѣшилова и каждое новое показаніе утверждали его больше и больше въ подозрѣніи на счетъ виновника папина письма. «По привозѣ Рѣшилова въ С.-Петербургъ, писалъ Ѳеофанъ,—когда его синодальный членъ первое о томъ спросилъ просто: для чего онъ въ бизюковъ монастырь пошелъ, онъ на то отвѣтствовалъ: я-де не

---

[1] На показаніяхъ Рѣшилова встрѣчаются собственноручныя замѣтки Ѳеофана въ слѣдующемъ родѣ: «по коронаціи ея императорскаго величества съ 4 мѣсяцы посланъ онъ, по сей сказкѣ, въ старицкій монастырь. А онъ же своеручно написалъ декабря 13 дня 1733 году, будто тверскій архіерей гнѣвался за присягу. Да присягу оную назадъ относитъ до Петра II. Плутъ явственный.»

думалъ за рубежъ изъ царства православнаго отлучаться. Изъ чего ему пришло на мысль такъ отвѣчать?»

«Когда ему при министрахъ велѣно письмо пашквильное дать посмотрѣть, тогда онъ первѣе головою сталъ качать, и очки съ носа, моргая, скинулъ; а послѣ, и одной строки не прочетъ, началъ бранить того, кто оное письмо сочинилъ, называя его проклятымъ, еретикомъ, діаволомъ.»

Изъ Москвы привезенъ былъ собственный скарбъ Рѣшилова — единственный сундукъ или ящикъ, обернутый въ клеенку. Ѳеофанъ, по соглашенію съ кабинетнымъ министромъ Черкасскимъ, вскрылъ, осмотрѣлъ и разобралъ этотъ ящикъ. Найденныя въ немъ письма, «состоявшія въ разныхъ матеріяхъ, перенумерованы цифирными литерами отъ перваго до пятнадцатаго, итого по исчисленію четырнадцать литеръ. И соизволилъ тѣ письма взять къ себѣ для разсмотрѣнія преосв. Ѳеофанъ»; и — разобралъ по ниточкѣ.

Любопытна эта часть дѣла по крайне тщательному разслѣдованію этой переписки.

Въ одномъ письмѣ Рѣшиловъ проситъ у тверскаго архіерея денегъ на уплату похищенной суммы. «Разсужденія же достойно, пишетъ Ѳеофанъ, какъ онъ тое письмо сочинилъ. Написалъ первѣе похвалу милостыни, долгимъ многословіемъ, на подобіе предики. Да вся та похвала сочинена діалектомъ не такъ малороссійскимъ, какъ бы польскимъ, или на польскій образецъ устроеннымъ. Изъ чего явно, что Рѣшиловъ въ такомъ-то діалектѣ часто и охотно упражнялся, наипаче въ перепискахъ съ тверскимъ архіереемъ. Но паче всего примѣчать надлежитъ, что нарѣчіе въ папиномъ письмѣ: *благословенство*, изъ польска, вмѣсто благословенія, написанное, дважды написалъ Рѣшиловъ и въ семъ своемъ милостыни похваленіи. А таковаго нарѣчія въ русской говоркѣ и малороссійцы не употребляютъ, и ни у кого мнѣ слышать, кромѣ Рѣшилова, не случилось».

«Еще же штиля Рѣшилова со штилемъ папина письма и всего пашквильнаго сочиненія сходство и согласіе слѣ-

дующими примѣтами, кажется, не темно познаваемъ. А именно:

а) Авторъ пашквиля къ сочиненію вершиковъ, хотя весьма неправильныхъ, охотникъ: понеже лаи своя и началъ и окончилъ вершиками, и на страницѣ 4 много блазней вершиками изобразилъ. А также къ вершописанію охота и у Рѣшилова. Въ одномъ письмѣ къ тверскому архіерею похвалу ему соплетаетъ сими словесы: «радуйся, новый Давиде, побѣдивый Голіаѳа, не пращію, но камнемъ вѣры. Стерлъ еси супротивныя супостаты, реку Лютеры и Кальвины, и русскія маловѣры». И надѣяться бы больше того въ письмахъ Рѣшилова, еслибы нашлось большее ихъ число.

б) Авторъ пашквиля надменныя и высокія прибираетъ рѣчи: тожь дѣлаетъ и Рѣшиловъ въ своихъ нетайныхъ письмахъ.

в) Авторъ пашквиля любитъ часто много прикладовъ изъ св. Писанія и исторій, тако жь и разныхъ писателей свидѣтельства употребляетъ. Посмотримъ и на Рѣшилово письмо, гдѣ онъ восхваляетъ милостыню многими прикладами и свидѣтельствы. А то дѣлаетъ безъ всякой нужды; только для показанія, что онъ гораздо отъ прочихъ монаховъ отличенъ.

г) Авторъ пашквиля часто слезы и плачи и вопли пишетъ: тако жь и Рѣшиловъ. Да и въ томъ его наипаче съ пашквильникомъ сходство, что къ изъявленію печали однихъ почитай словъ употребляетъ. Напримѣръ, въ пашквилѣ, въ самомъ началѣ: плачися, рыдай горько; и на страницѣ 7-й: восплачешься и возрыдаешь горько. Подобно и въ письмѣ къ тверскому архіерею: гласъ мой и рыданіе горькое. Опять въ пашквилѣ: со изліяніемъ слезъ; тотъ же образъ рѣчи и въ Рѣшиловомъ въ Синодъ прошеніи: обліяся слезами молю.

д) Да и въ другихъ необычныхъ, и въ народѣ нечастыхъ словахъ, пашквильнаго и Рѣшилова рѣченія сходна. Напримѣръ, въ письмѣ папиномъ: за вѣру поборятъ: и въ Рѣшиловомъ: по церкви поборствуя. И какъ лживый папа необычнымъ словомъ изобразилъ благодарствіе: вписалъ въ вѣчно достойную себѣ жалость; подобнѣ то жъ и Рѣшиловъ

изобразуетъ въ своемъ къ тверскому письмѣ: сотвори со мною вѣчную память.

е) Особливо примѣчаемъ, что каковымъ видомъ пашквиль изъявляетъ бѣдность крестьянскую (не знаютъ праздника, ни дня воскреснаго, ниже прибѣгнутъ къ церкви Божіей): подобнѣ тому пришло на умъ Рѣшилову изобразить бѣдность свою за арестомъ (уже и въ церковь изъ узъ не испускаютъ, и святыя исповѣди и причащенія таинствъ лишихся).

А се каково кажется, что авторъ пашквильный на страницѣ 8, показуетъ одного, другаго и третіего, именно которые клеветали на *Θеофана, яко бы въ неправомъ ученіи, а Θеофилакта Лопатинскаго*, который въ первомъ клеветаніи начальникъ былъ, не воспоминаетъ. Знатно, *Лопатинскому* пашквильникъ сей былъ подкомандный и ласкательный, и опасался, дабы отъ именованія *Лопатинскаго* не произошло на него подозрѣніе [1].

И се, кажется, не безъ хитрости, что пашквильникъ чрезъ сіе лаятельное письмо свое клевещетъ на всѣхъ знатнѣйшихъ людей, будто они уклонились въ люторскую вѣру, а котораго человѣка начальникомъ того уклоненія ставитъ, того не въ лютераны, но въ паписты произвелъ, знатно для того, чтобъ не было помысла, которой онъ есть факціи и команды».

Такъ какъ въ отвѣтахъ сдѣланы указанія на многія дѣла и лица, то сдѣлано распоряженіе 1) изъ кабинета, чтобы вытребовать въ синодъ бизюковскаго архимандрита Іоасафа, «якобы съ копіями съ жалованныхъ грамотъ, данныхъ оному монастырю; 2) изъ св. Синода — привесть въ С. Пербургъ подъ крѣпкимъ карауломъ нѣсколько лицъ изъ тверскаго архіерейскаго дома, именно: бывшаго въ Москвѣ въ 1732 году, при преосв. Θеофилактѣ, домовыхъ дѣлъ стряпчаго Ивана Богданова,—бывшихъ въ 1728 г. въ Кашинѣ по ду-

---

[1] Подчеркнутыя слова вписаны на оставленныхъ пробѣлахъ собственною рукою Θеофана.

ховнымъ дѣламъ подьчихъ Ивана Ильина, да сторожа Иларіона Еремѣева, да жившаго въ клобуковомъ монастырѣ при кельѣ Рѣшилова іеродікона Тихона. «Взявъ ихъ — наказано было солдатамъ — сковать тѣхъ людей въ ножные кандалы и, разсадя порознь, ѣхать изъ Твери денно и ночно со всякимъ поспѣшеніемъ»; 3) колязинскому, воскрсенскому, савинскому и бизюковскому архимандритамъ, у кототорыхъ онъ жилъ по нѣскольку времени, учинить допросные пункты а вмѣсто сергіевскаго архимандрита, царскаго духовника Варлаама, допросить тамошняго казначея Нектарія. (4 марта 1734 г.) [1].

Между тѣмъ Ѳеофанъ, потребовалъ изъ канцеляріи св. Синода справку: «преосвященный Ѳеофилактъ, до коронаціи ея величества, изъ Москвы въ епархію свою ѣздилъ ли, и буде ѣздилъ, то въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ тотъ отъѣздъ свой возъимѣлъ и когда опять въ Москву возвратился? И по отрѣшеніи отъ св. Синода въ епархію свою поѣхалъ въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ? Въ ту пору въ 1730 г. — калязинскій архимандритъ въ Москвѣ былъ ли и если былъ, то въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ»? Свѣденія эти нужны были для точнаго пріуроченія всѣхъ показаній Рѣшилова къ опредѣленному времени, къ извѣстнымъ мѣсяцамъ и числамъ. Ѳеофилактъ немогъ оставаться спокойнымъ. Чрезъ нѣсколько дней такимъ же точно образомъ потребовали въ С. Петербургъ ризничаго тверскаго архіерейскаго дома, іеродіакона Александра Судакова. Для взятія его велѣно было вытребовать нарочныхъ человѣкъ—двухъ солдатъ изъ военной коллегіи и въ данной имъ инструкціп между прочимъ особливо изобразить и то — что «имъ солдатамъ по пріѣздѣ въ Тверь никуда ни для чего не заходить и нигдѣ тамо не медлить, но проѣхать прямо въ домъ преосвященнаго Ѳеофилакта и,

---

[1] О подьячемъ Ильинѣ и троицкомъ казначеѣ Нектаріѣ Ѳеофилактъ и Варлаамъ доносили, что они уже померли, Ильинъ въ 1729, Нектарій въ 1734. А іеродіаконъ Тихонъ находится неизвѣстно гдѣ.

по объявленіи ему синодскаго указа, онаго ризничаго іеродіакона Александра Судакова требовать у его преосвященства неослабно; а какъ тотъ Судаковъ имъ отданъ будетъ, тогда, сковавъ его въ ножныя желѣза, ѣхать изъ Твери въ С. Петербургъ денно и нощно съ крайнимъ поспѣшеніемъ и имѣть за тѣмъ іеродіакономъ Судаковымъ крѣпкій присмотръ, дабы онъ утечки и здравію своему поврежденія учинить не могъ, и до разговоровъ его никогда, нигдѣ, ни съ кѣмъ отнюдь недопускать, и по пріѣздѣ въ С. Петербургъ самимъ имъ явиться и его Судакова св. Синоду объявить немедленно». 5 марта 1734 г.

По прибытіи въ С. Петербургъ Іоасафъ позванъ былъ 5 марта въ собраніе тайной канцеляріи, которая, соотвѣтственно своему имени и дѣйствіямъ, открывала свои засѣданія ночью [1].

Въ собраніи слушаны были допросы, произведенные Рѣшилову въ св. Синодѣ въ прошломъ году, 27 и 31 октября, 1 и 3 ноября, «между которыми и о патріаршествѣ.» При чемъ Ушаковъ разсуждалъ, что гдѣ Рѣшиловъ по выходѣ изъ колязина монастыря былъ, надлежитъ о временахъ и числахъ изслѣдовать, а тѣхъ, кои были при разговорахъ о патріаршествѣ, взять въ св. Синодъ.

Потомъ читаны своеручныя повинныя Рѣшилова 1) писанныя 12 декабря 1733 года, о разговорахъ съ Маевскимъ— о церковныхъ чинахъ и о произнесеніи Маевскимъ въ томъ

---

[1] Марта 5, въ понедѣльникъ пополудни въ собраніи были:

	часы.	
	пріѣзд.	выѣзд.
Преосвященный Ѳеофанъ, архіепископъ великоновоградскій и великолуцкій	5	12 вначалѣ.
Дѣйствителный тайный совѣтникъ и К. князь А. М. Черкасскій	5	11 въ исходѣ.
Генералъ и кавалеръ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ и е. и. в. генералъ-адъютантъ А. И. Ушаковъ	5	11 въ исходѣ.
Оберъ-секретарь Г. Дудинъ.	4	12 вначалѣ.

(Журналъ собранія тайной канцеляріи 5 марта 1734 г.).

разговорѣ: «вотъ де регламентъ духовный напечатали, да и сами того не хранятъ» и о сказываніи Маевскимъ Рѣшилову о сказкѣ, взятой съ тверскаго архіерея въ томъ, чтобъ не писать возраженія на лютеранъ въ защиту Камня вѣры подъ лишеніемъ живота, и о написаныхъ по-латинѣ у Маевскаго двухъ книжицахъ, что онъ всюду распубликуетъ друзьямъ своимъ и пріятелямъ, «да вѣдать же будутъ про то въ Кіевѣ и въ Польшѣ ревнители по благочестію: явленъ-де будетъ защитникъ ихъ лютеранскій Ѳеофанъ, архіеп. новгородскій», — и о поносительствѣ преосв. Ѳеофана, великоновгородскаго и великолуцкаго, и въ называніи Рѣшиловымъ его преосвященства церемонитомъ лютерскимъ и о называніи тверскаго столпомъ церковнымъ непоколебимымъ. 2) О слышанныхъ словахъ отъ Симеона Ярмирковскаго о дѣлахъ минучихъ и не минучихъ. Письма эти объявлены преосв. Ѳеофаномъ; первое оставлено при дѣлѣ, а второе преосв. Ѳеофанъ взялъ къ себѣ.

Іоасафъ допрашиванъ былъ по всѣмъ пунктахъ показаній Рѣшилова и, сверхъ того, по нѣкоторымъ важнѣйшимъ, составляющимъ важное секретное дѣло; именно по дѣлу о патріаршествѣ и о секретномъ письмѣ, которое приписывали Рѣшилову.

Іоасафъ отговаривался почти отъ всего незнаніемъ, «сожалѣя», какъ впослѣдствіи объяснялъ, «старость преосв. Ѳеофилакта» и надѣясь, что такое сложное и запутанное дѣло потянется — потянется да и замолкнетъ. — О патріаршествѣ показалъ что при государѣ императорѣ Петрѣ II-мъ была народная молва о посвященіи въ патріарха бывшему Ростовскому, и о томъ съ Рѣшиловымъ онъ говорилъ, а о посвященіи Ѳеофилакта не говаривалъ.—По пріѣздѣ преосвященнаго въ тверь Рѣшиловъ былъ отъ него отлученъ и посланъ въ Старицу.—Любопытно и слѣдующее показаніе: оной же Рѣшиловъ, на вопросъ его архимандрической: «для чего онъ много табаку нюхаетъ», говорилъ: «яде и больше на поруганіе раскольщиковъ нюхать буду». Ка-

кимъ вопросомъ вызвано было это послѣднее показаніе, неизвѣстно. — «За чѣмъ онъ принялъ къ себѣ Рѣшилова въ бизюковѣ монастырѣ?» «Рѣшиловъ, пришедъ ко мнѣ, объявилъ, что не знаетъ, гдѣ главы приклонить и просилъ, чтобъ ему пожить до зимняго пути, а зимой де пойдетъ въ св. Синодъ. Хотя онъ въ принятіи Рѣшилова, безъ виду, и имѣлъ сомнѣніе: однакожъ принялъ его, склонясь на его жалкое положеніе и въ этомъ признаетъ себя виновнымъ. По приходѣ къ нему Рѣшиловъ показывалъ, что былъ въ троицкомъ и воскресенскомъ монастыряхъ и въ послѣднемъ по Никонѣ патріархѣ пѣлъ панихиду». — Когда ему показали извѣстное подметное письмо, Іоасафъ сказалъ что рука не Рѣшилова, что онъ мелкимъ уставомъ не пишетъ, но въ разговорахъ «динкую» Рѣшиловъ употреблялъ ли, онъ не слыхивалъ. Впрочемъ, прибавилъ Іоасафъ, онъ-Рѣшиловъ бывалъ въ Венгерахъ, на Подолѣ и на Волыни». Засѣданіе продолжалось съ 5 часовъ до полуночи и окончилось тѣмъ, что Ушаковъ предложилъ допросить Ѳеофилакта по дѣлу о патріаршествѣ. Ѳеофанъ вышелъ изъ собранія послѣдній.

7 Марта Іоасафъ снова допрашиванъ былъ въ св. Синодѣ. На вопросъ — «когда какъ онъ познакомился съ Рѣшиловымъ», Іоасафъ отвѣчалъ, что «еще въ бытность его антоновскимъ архимандритомъ пріѣзжали къ нему новгородскаго архіерейскаго дома судья, архим. Андроникъ, съ коммиссаромъ александроневскаго монастыря Литвиновымъ и съ Рѣшиловымъ, для посѣщенія. И тогда онъ архимандритъ Іоасафъ спросилъ того Рѣшилова: кто онъ и откуда? и на тотъ его вопросъ Рѣшиловъ объявилъ, что онъ іеромонахъ морской. И потомъ на спросъ его архимандричій: какой эшквадры? отвѣтствовалъ, что онъ былъ далеко въ Голландіи и Венеціи; — и больше того онъ съ нимъ разговоровъ никакихъ неимѣлъ; только у прибывшихъ съ ними служителей, новгородскихъ дворянъ, въ другой кельѣ спросилъ о Рѣшиловѣ, и тѣ отвѣчали, что онъ Рѣшиловъ человѣкъ пре-

мудрый, обратившійся отъ раскола и знающъ многимъ языкамъ. За тѣмъ до прибытія Рѣшилова въ Тверь они не видались. Въ Твери, послѣ разныхъ приключеній, онъ сосланъ былъ въ калязинъ, къ Іоасафу, въ число братства и, по общему согласію архимандрита съ братіею, опредѣленъ въ конюшіе. Разговоровъ у нихъ не бывало, развѣ про народную молву, что скоро будутъ посвящать въ патріарха архіерея ростовскаго, на что онъ отвѣчалъ Рѣшилову: «увидимъ-де, что будетъ, когда ростовскій архіерей на патріаршій престолъ въѣдетъ на лошадяхъ»; а это говорилъ въ такой силѣ, что оный бывшій архіерей ростовскій, нынче схимонахъ Гедеонъ, прислугу свою, а имянно къ князьямъ Алексѣю и Ивану Долгоруковымъ (которые тогда были въ знатной чести), имѣлъ лошадьми, — и думалъ, что тотъ ростовскій имѣлъ быть произведенъ въ патріаршество чрезъ стараніе и предстательство оныхъ Долгоруковыхъ И заподлинно народной молвѣ недовѣряя, разсуждалъ онъ архимандритъ Маевскій такъ, что будетъ въ томъ великое диво, какъ то произведеніе въ патріархи ростовскому учинится».

«Въ бытность Рѣшилова въ бизюковѣ монастырѣ онъ имѣлъ съ нимъ уединенные разговоры, а именно о состояніи разныхъ кривотолковъ раскольническихъ — о христовщинѣ, поповщинѣ, безпоповщинѣ и о своей іосифовщинѣ, которые онъ архимандритъ и слушалъ ради единой куріозности. Рѣшиловъ говорилъ объ этомъ прилагая себѣ похвалу, колико въ обращеніи тѣхъ раскольниковъ потрудился и сколько учинилъ св. Синоду прибыли. И потомъ онъ Рѣшиловъ заключилъ свою рѣчь, бутобы его за то обращеніе весь свѣтъ ненавидитъ, а больше всѣхъ имѣетъ гнѣвъ на него архіепископъ Леонидъ, который яко бы чинилъ знатнымъ раскольникамъ понаровку и закрывательство. Рѣшиловъ говорилъ, что онъ доносилъ объ этомъ св. Синоду, — что у Леонида потребовали сказку, но онъ заперся во всемъ — такъ то дѣло и кончилось».

Въ письменомъ изложеніи этихъ показаній, 9 марта,

Іоасафъ присовокупилъ, что Рѣшиловъ, бывши въ Польшѣ еще раскольникомъ, жилъ подъ протекціею польскаго князя Любомірскаго; и что въ бизюковъ монастырь онъ прибылъ съ паспортомъ отъ калязинскаго архимандрита Іосифа, выданнымъ ему на богомолье въ Москву и къ преподобному Сергію, но что онъ, Іоасафъ, этого паспорта не призналъ за подлинный.

Калязинскій архим. Іосифъ, по требованію св Синода, прислалъ объясненіе, что онъ отпустилъ Рѣшилова на богомолье къ преподобному Сергію, а не къ московскимъ чудотворцамъ, и, съ простоты, забылъ написать, чтобы онъ опять возвратился въ калязинъ монастырь.

Пока эти розыски продолжались, Ѳеофанъ объявилъ въ Синодѣ словесно, что сего 16 марта ея императорское величество, присутствуя въ зимнемъ своемъ домѣ, именнымъ указомъ повелѣла: содержащагося при Синодѣ, по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, іеромонаха Іосифа Рѣшилова, за его важныя по онымъ дѣламъ разнорѣчія и склонныя къ нему важныя жъ подозрѣнія, (только за подозрѣнія! несчастное время!) іеромонашества и монашества лишить, и по лишеніи отослать его для слѣдованія въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію въ немедленномъ времени.

Вмѣстѣ съ разстригою Иваномъ Рѣшиловымъ отправили въ тайную канцелярію копіи со всѣхъ его показаній, равно и съ отвѣтовъ Іоасафа Маевскаго.

Іеродіаконъ Судаковъ при допросѣ 22 марта показалъ, что о взятіи Рѣшилова изъ бизюкова монастыря преосв. Ѳеофилактъ и онъ слышали, но что до этого онъ былъ тамъ, не знали. Архіерей говорилъ только въ разговорахъ: не ушелъ бы онъ опять въ лѣса.—На вопросъ: «не говорилъ ли чего Рѣшиловъ о церковныхъ чинахъ и дѣлахъ? отвѣчалъ, что «можетъ быть и говорилъ, да онъ того не знаетъ. Много онъ вралъ, да не все у него слушать; а что онъ вралъ, того онъ Судаковъ вспамятствовать не можетъ.» «Не разсуждалъ ли когда тверскій преосвященный, что ересь—что не ересь—все одно,—или о

каковыхъ того толкователяхъ и что спорить съ ними ненадобно?» Не слыхивалъ. «О книгѣ Пращицѣ Рѣшиловъ не говорилъ ли чего, въ похвалу или въ порицаніе?» Что это за книга, не слыхивалъ. Не та ли, что преосв. Питиримъ сочинилъ? «Да». Не слыхивалъ ни похвалъ, ни брани.

Воскресенскій архимандритъ Мельхиседекъ Барщовъ, по требованію св. Синода, прислалъ объясненіе, что Рѣшиловъ въ его монастырѣ былъ—въ отсутствіи его архимандрита въ Москву, и при немъ дня съ два, — сказался судьею тверскаго архіерея и просилъ отпѣть соборную панихиду по Никонѣ. А говорилъ онъ Рѣшиловъ на той панихидѣ, что «я виновенъ предъ святѣйшимъ Никономъ патріархомъ. Когда я былъ раскольникомъ, я-де его бранилъ и проклиналъ, а нынѣ я у него прошу прощенія.» А паспорта онъ архимандритъ не спрашивалъ у него, какъ у богомольца. (27 марта 1734 г.)

Савинскій архим. Антоній доносилъ (27 марта), что Рѣшиловъ пріѣзжалъ въ савинскій монастырь на богомолье и останавливался на монастырскомъ подворьѣ. При отбытіи нанималъ лошадей въ бизюковъ монастырь и уѣзжая, забылъ въ чуланѣ, гдѣ стоялъ, ветхій мочальный кулекъ незнамо какихъ писемъ, увязанъ пеньковыми прядьми. Живущій на подворьѣ іеромонахъ Варлаамъ передалъ эти письма дьячкову сыну того монастыря Агапу Антонову. Ѳеофанъ, по выслушаніи этого донесенія приказалъ выслать письма немедленно, насчетъ архимандрита, за вину—что не прислалъ ихъ при донесеніи; а іеромонаха Варлаама, съ дьячковымъ сыномъ, допросить порознь — секретно, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, а именно въ томъ, что отъ Рѣшилова писемъ оставлено было столько, сколько ихъ взято, и какимъ случаемъ Рѣшиловъ тѣ письма оставилъ и не нарочно ль, и буде нарочно, для чего? Или онъ тѣ письма позабылъ? И они тѣ письма, или иной кто при нихъ или безъ нихъ, разсматривалиль и каковые именно изъ нихъ вынимали и куда употребляли, или у себя удерживали, или отдавали, и

кому подлинно и для чего? И буде они укажутъ на кого, взявъ тѣхъ людей допросить же, и держать ихъ подъ крѣпкимъ краупомъ до указу. И когда письма найдены будутъ, то взявъ ихъ, Варлаама и дьячкова сына, и сковавъ въ ножные кандалы, прислать въ С. Петербургъ съ письмами немедленно.

Сторожъ Еремѣевъ въ допросахъ разсказалъ случай — пустой, но сдѣлавшійся важнымъ по времени и обстоятельствамъ. Священникъ погоста Лапотнаго, кашинскаго уѣзда, не подалъ годовыхъ вѣдомостей о постившихся и не постившихся. Рѣшиловъ, встрѣтивъ его у приказа, закричалъ на него неприличными словами. Тотъ извинялся неграмотностію и продолжая это или объясняя другое дѣло, сказалъ, что былъ въ воеводской канцеляріи по государеву указу. Рѣшиловъ, не слушая, продолжалъ шумѣть и браниться: «и съ указомъ ты плутъ». Священникъ оговорился: «ахъ, бачка, и указъ бранишь»? Рѣшиловъ велѣлъ взять его въ канцелярію «и доправить съ него попа за долговременную о дѣтяхъ его духовныхъ, постившихся и непостившихся недачу сказки — за работу подьячимъ 20 алтынъ». Когда онъ взошелъ къ себѣ въ келью, подьячіе замѣтили ему: «ахъ отче игуменъ, дурно ты священнику слово-то сказалъ». Рѣшиловъ кланялся и умолялъ: «потерпите Бога ради такую мнѣ продерзость. Вотъ вамъ по пяти рублевъ.»—Обмолвки языка въ ту пору судились, какъ умышленныя преступленія.

Продолжающіеся допросы возбуждали новыя подозрѣнія и сопровождались новыми арестами и допросами.

Марта 29 преосв. Ѳеофанъ предложилъ Синоду, что калязинскій архим. Іосифъ далъ Рѣшилову паспортъ подозрительный, не прописавши о возвращеніи его опять въ тотъ монастырь. «Да онъ же архимандритъ является въ неслуженіи торжествъ и панихидъ, изъ чего показуется нѣкое къ фамиліи е. и. в. недоброжелательство. Да онъ же архимандритъ и постриженіе въ монашество чинилъ въ противность указамъ, и потому подозрителенъ».—Савинскій архим.

Антоній, на посланные ему пункты первоначальные и дополнительные, отвѣчалъ такъ же неудовлетворительно и неосновательно. На этомъ основаніи положено было вызвать ихъ въ С.-Петербургъ для личныхъ объясненій.—Апрѣя 1-го велѣно также, вслѣдствіе показаній стряпчаго Богданова, вытребовать въ С.-Петербургъ, изъ Твери, секретаря архіерійскаго дома, Алексѣя Давыдова, съ обыкновенными предосторожностями; а 26 апрѣля — сына его, бывшаго подьячаго тверскаго архіерейскаго дома, теперь бизюковскаго іеродіакона, Алимпія Давыдова.

Исторія этого послѣдняго довольно любопытна.

Въ 1731 г. послѣ троицына дня, передъ десятой пятницей, преосв. Ѳеофилактъ пріѣхалъ въ калязинскій монастырь и привезъ съ собою нѣсколько человѣкъ пѣвчихъ. Калязинскимъ архимандритомъ въ то время былъ Іоасафъ Маевскій. Изъ Калязина архіерей ѣздилъ въ Кашинъ для служенія и бралъ Іоасафа съ собой. Послѣ того ѣздилъ на освященіе церквей въ капшинъ и рябовъ монастыри безъ него архимандрита. Іоасафъ съ Рѣшиловымъ ѣздили тѣмъ временемъ въ монастырское сельцо сергіевское, версты съ три отъ монастыря, и подъ хмѣлькомъ, нарядивши въ свое монашеское платье, пѣвчаго Давыдова, любовались имъ, какъ статнымъ чернецомъ. А какъ Давыдовъ былъ непрочь отъ этого платья, то на другой же день, передъ ранней обѣдней, его и постригли, чтобы сдѣлать сюрпризъ Ѳеофилакту. Архіерей, возвратившись съ освященія церквей, изумился, увидѣвъ передъ собой такъ неожиданно и такого юнаго монаха. (Ему было только 16 лѣтъ). «На что ты, сударь мой, постригался»? говорилъ преосвященный. «Ты еще молодъ и совершенно монашескаго чина понести не можешь.» Но дѣло ужь было сдѣлано.

Отъ Алимпія надѣялись узнать многое и потому, что онъ былъ молодъ и потому, что на него падало подозрѣніе въ перепискѣ рѣшиловскаго письма. Съ нимъ потребовали всѣ его бумаги и книги всякаго званія, все что писано его ру-

кою, не исключая и церковныхъ поминаній за здравіе и за упокой всякаго чина людей. А братію и начальствующихъ въ бизюковѣ монастырѣ (опять-таки въ бизюковѣ) велѣно допросить: нѣтъ ли у него Алимпія гдѣ нибудь книгъ и писемъ въ положеніи и все, безъ остатку, не разсматривая никому, прислать въ Синодъ (1 мая).

Наконецъ дождались такъ долго и нетерпѣливо ожидаемаго рогожнаго кулечка съ письмами Рѣшилова. Это было истинной находкой для слѣдователей, для сличенія его писемъ къ разнымъ лицамъ съ подметнымъ письмомъ. Улика на-лицо! Не даромъ объ ней было столько хлопотъ.

Политика слѣдователей состояла въ томъ, чтобы собрать всѣ лица, прикосновенныя къ дѣлу Рѣшилова, и не давая замѣтить ни одному, что они здѣсь собраны всѣ вмѣстѣ, повѣрять показанія ихъ другъ другомъ. Содержать ихъ приказано было другъ отъ дружки порознь, и никого къ нимъ ни для чего не допускать, чернилъ и бумаги не давать, съ крѣпкимъ наблюденіемъ, чтобы утечки и здравію своему поврежденія учинить они не могли. Потомъ объявлено всѣмъ, что сокрытіе чего нибудь изъ дѣйствій Рѣшилова или изъ разговоровъ съ нимъ будетъ вмѣнено имъ въ преступленіе. Каково же было подсудимымъ, когда сидя за карауломъ, они должны были терзать свою память, чтобы припомнить свои разговоры съ Рѣшиловымъ за годъ, за два, а иные — и за семь и за восемь лѣтъ передъ этимъ,—когда не только скрыть — преступленіе, но и невспомнить. А въ собраніи, при допросахъ являются улики, говорятъ и обличаютъ языки, которыхъ невидишь и присутствія не подозрѣваешь! Легко представить, въ какое мучительное состояніе приводило это подсудимыхъ! Вотъ изображеніе его по оффиціальнымъ записямъ.

«6 мая караульный подпрапорщикъ объявилъ, что содержащійся подъ арестомъ савинскій архимандритъ, (давшій уже показаніе 3 мая), требуетъ представленія предъ собраніе и хочетъ объявить нѣчто. Положили — допустить. На-

другой день, явившись предъ собраніе, онъ попросилъ бумаги и чернилъ и, написавъ нѣчто, вручилъ присутствующимъ; но потомъ опять просилъ сдѣлать приполнку, и по окончаніи ея все то снова переписалъ набѣло и сказалъ, что больше того онъ показать не знаетъ. Его отпустили. Между тѣмъ, спустя съ часъ, онъ просится опять передъ собраніе и проситъ показать ему его писаніе. И по многимъ спросамъ: чего ради онъ того посмотрѣнія требуетъ, сказалъ бы имянно,—на то онъ говорилъ: не описалсяль? Вмѣсто успокоенія его стали уговаривать, чтобъ сдѣлалъ праведное показаніе. И на то, сполчетверти часа бывъ яко въ изумленіи, сказалъ, что въ бѣломъ у него есть что-то, чего онъ въ черномъ не написалъ. У него взяли и черное, съ нравоученіемъ, что отговариваться безпамятствомъ напрасно и ему, по званію его, не должно. Архимандритъ отвѣчалъ на это, что у него меланхолія. На это объявлено, что затѣваетъ онъ то на себя ложно. За тѣмъ опять нравоученіе.

Чтожъ это было за показаніе?

«Въ прошломъ 1732 году, въ Москвѣ, на подворьѣ саввина монастыря въ кельяхъ былъ разговоръ о смерти императора Петра I-го, что болѣзнь его тяжкая была и слышно было стенаніе при дворцѣ. И то я слышалъ отъ солдатъ на Котлинѣ острову въ тѣхъ же числахъ, какъ Государь скончался».

«Еще былъ разговоръ съ нимъ, Рѣшиловымъ, про св. Синодъ, что дѣла продолжаются, а при патріархѣ якобы скорѣе отправлялись».—При дѣлѣ приложены оба показанія архимандрита и замѣчательно, что черновое показаніе совершенно согласно съ бѣлымъ!

Кромѣ архимандритовъ всѣ подсудимые содержались въ желѣзныхъ оковахъ. Страданія ихъ душевныя и тѣлесныя были ужасны. Іеродіаконъ Судаковъ въ концѣ апрѣля такъ занемогъ, что судьи послали къ нѣму доктора. Штабълекарь Ѳлейпсъ, по осмотрѣ, пустилъ изъ лѣвой руки кровь и объявилъ въ собраніи, что та лѣвая рука отъ умноженія

крови распухла, и что ее надо натирать. Штабъ-лекарю поручили пользовать его, и дали за это пять рублей. У Давидова на ногахъ сдѣлались раны. Верхняго платья не давали и бѣлья не перемѣняли. Рѣшиловъ жаловался, что онъ пребываетъ едва не нагъ.

Допросы то одному, то другому продолжались почти каждый день. И съ какими увѣщаніями! «Вѣрилъ бы онъ (имя рекъ) что за показаніе истины не былъ бы лишенъ милости; напротивъ же того вѣдалъ бы, что имѣетъ то показать чрезъ кровопролитіе, о которомъ ему нынѣ объявляется, что той крови пролитія состоять будетъ виною онъ (имярекъ)...» «Подъ страхомъ за лживый отвѣтъ, по изобличеніи, нетокмо лишенія монашескаго чина и священнаго сана, но и жесточайшаго въ надлежащемъ мѣстѣ тѣлеснаго истязанія». Хорошее увѣщаніе! Ѳеофанъ рѣдко бывалъ при допросахъ (исключая особенныхъ случаевъ, когда допросъ былъ въ присутствіи Ушакова или Черкасскаго, по государственнымъ дѣламъ: да не это нужно было Ѳеофану), но самъ читалъ всѣ показанія, сличалъ, писалъ новые вопросы, сводилъ обличенныхъ на очныя ставки, нещадя увѣщаній.

Инструкціи, писанныя Ѳеофаномъ, для руководства при допросахъ, достойны наилучшаго слѣдователя. «Пришедъ къ (подсудимому), тотчасъ ни мало не медля допрашивать. Всѣмъ вопрошающимъ наблюдать на глаза и на все лице его: неявится ли на немъ каковое измѣненіе, и для того поставить его лицемъ къ окошкамъ. Не допускать говорить ему ничего лишняго и къ допросамъ не надлежащаго, но говорилъ бы то, о чемъ его спрашиваютъ. Сказать ему, что если станетъ говорить: неупомню, то сказуемое непамятство причтется ему въ знаніе. Какъ измѣну, на лицѣ его усмотрѣнную, такъ и всѣ рѣчи его записывать.»

13 Мая новый допросъ савинскому архимандриту въ домѣ

преосв. Өеофана. И какъ рѣчь была о солдатствѣ, то пригласили Черкасскаго.

«Къ чему то говорено было, что на солдатъ-де мало надежды нынѣ, въ случаѣ какого замѣшательства»? Къ разговору о ставленникахъ.

Что именно говорено было? «Не помню».

Нельзя не помнить хотя общей матеріи разговора? «О солдатствѣ говорено было: бодры ли они? А въ какую силу того Рѣшиловъ не говаривалъ; понеже де какъ волкъ — не объ одномъ говорилъ, а говорилъ все вырывомъ».

Какъ тотъ разговоръ былъ, въ то время они, чаятельно, сидѣли или стояли, и времени было не мало? на это онъ архимандритъ сказалъ: «стояли и вино пили».

Судя по этимъ рѣчамъ нельзя статься тому, чтобъ только о солдатствѣ было выговорено двѣ рѣчи. «Не помню».

Не при разсужденіяхъ ли о правительствѣ была рѣчь о солдатствѣ? «Не помню».

Какая рѣчь была о вицепрезидентѣ св. Синода и не говорено ль было, чтобъ быть иному, а не преосв. Өеофану? «Эта рѣчь была года съ два, когда Георгій Дашковъ, что нынѣ простой схимонахъ Гедеонъ, да Игнатій присутствовали въ Синодѣ. Говорено было и прежде, къ разговору о патріаршествѣ. Рѣшиловъ назначалъ патріархамъ то Георгія, то Питирима. А онъ архимандритъ на это сказалъ: что были-де патріархами троицкіе архимандриты.

Потомъ увѣщаніе, — значитъ приступъ къ важнѣйшимъ допросамъ. Угадывая это Антоній сказалъ: «и на Бога-де хульная рѣчь приходитъ; а на государыню, если бы что могъ припомнить, сказалъ бы. А про патріарха де и отцу духовному неисповѣдался».

Возобновили прежній допросъ о словахъ про кончину Петра. «И то говорено было съ сожалѣніемъ или несожалѣя? Про дѣла, про жизнь Петра не говорено ль чего? О титлѣ императорской? Любилъ ли Рѣшиловъ Петра? На это архи-

мандритъ отвѣчалъ: «гдѣ ему любить. А о поступкахъ его говорено развѣ о славленьѣ, что оно не хорошо».

«Въ тотъ же день, послѣ допросовъ, Ѳеофанъ съ Черкаскимъ приказали свозить архимандрита къ Рѣшилову и спросить: что они другъ друга знаютъ ли? Когда показали ихъ другъ другу, спросили сперва Рѣшилова про архимандрита, кто онъ таковъ? И смотря на него Рѣшиловъ отвѣчалъ: въ персону кажется ему, что савинскій архимандритъ; а подлино онъ ли, не утверждается. Вопросъ повторили два раза: отвѣтъ тотъ же. Потомъ спросили архимандрита о Рѣшиловѣ: не знаетъ ли онъ, кто этой такой? Архимандритъ отвѣчалъ, что не можетъ признать (и не удивительно; потому что, вѣрно, разстрига Рѣшиловъ не много походилъ на игумена Рѣшилова). И когда ему, сказали, что это Рѣшиловъ, то архимандритъ поклонясь сказалъ: ой благодаренъ отче святый! Съ тѣмъ и разошлись».

За тѣмъ, почти безостановочно пошли допросы и очныя ставки Рѣшилову, калязинскому, саввинскому и бизюковскому архимандритамъ, Давыдову съ сыномъ, подъячимъ и всѣмъ лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу.

Рѣшиловъ, съ своей изворотливой совѣстію, утѣшался тѣмъ, что страдаетъ за добрыя дѣла. «Вотъ де и выслужилъ св. Синоду, ѣздячи за раскольниками и въ сборѣ денегъ, которыя и отданы. Нажилъ себѣ тюрьму и бѣдность, а раскольникамъ радость. Кто де насъ не погонитъ, то всѣ пропадаютъ,—слыхалъ де онъ отъ нихъ. Вотъ де и ему пришло тожъ. Кабы за ними не ѣздилъ, то бы и въ тюрьмѣ не сидѣлъ и всякія бы нужды не видалъ».

Рѣшиловъ былъ человѣкъ, въ одно и тоже время и дурной и болтливый. Ничего не понимая, обо всемъ разсуждалъ, со всѣми толковалъ: «о солдатахъ, что они не бодры и очень не надежны, и еслибъ въ народѣ стала смута или замѣшательство, то отъ нихъ не много помощи надѣяться,— объ отягощеніи народа, о недородахъ хлѣбныхъ, о иноземцахъ находившихся въ службѣ русской,—о распоряженіяхъ

св. Синода,—обо всемъ. «О покойномъ генералъ фельддцейхмейстерѣ Я. В. Брюсѣ спрашивалъ Рѣшиловъ Маевскаго: «каковой де онъ вѣры? А сказываютъ, что уменъ». И на то онъ Маевскій сказалъ: «атеистъ». «Вотъ де, разсуждалъ онъ въ другой разъ съ симоновскимъ экономомъ Серафимомъ, по указамъ св. Синода, которые были указы напредь сего, о привѣсахъ на св. иконахъ и рѣзныхъ иконахъ, о свѣчахъ въ церквахъ и о голбцахъ, что надъ умершими, о малыхъ монастырѣхъ и пустыняхъ въ приписку къ большимъ монастырямъ: за все токмо Ѳеодосей пропалъ, а ихъ святѣйшества какъ живутъ, такъ живутъ». Правду сказалъ о немъ савинскій архимандритъ Антоній: «Рѣшиловъ какъ мельница на весь свѣтъ мелетъ». — То мечталъ онъ о епископствѣ, то о схимонашествѣ въ бизюковѣ монастырѣ. «Схимонашеской образъ онъ Рѣшиловъ въ бизюковѣ монастырѣ воспріяти хотѣлъ ли, о томъ я нижайшій (Іоасафъ Маевскій) не знаю, и у трезваго его о семъ не слыхалъ. А напившись пьянъ, онъ Рѣшиловъ говаривалъ, что желалъ бы онъ въ бизюковѣ монистырѣ схимонахомъ быть и келью себѣ построить. И я нижайшій оныя его Рѣшилова пьяныя рѣчи вмѣнялъ въ смѣхъ, а не въ правду».

Лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Рѣшилова допрашивали объ образѣ его жизни и дѣйствіяхъ, что̀ и когда онъ писалъ, съ кѣмъ когда видѣлся, кому что говорилъ о знатныхъ лицахъ. Напримѣръ саввинскаго архимандрита допрашивали 11 іюня 1735): «не говорилъ ли онъ съ Рѣшиловымъ о покойномъ генералъ-фельдцейхмейстерѣ Брюсѣ, и о генералѣ Лефортѣ, что они тщатся русскихъ людей склонить и привесть на Унію? Не разсуждалиль, яко бы государыня имѣла намѣреніе выдать дочь Черкасскаго, княжну Варвару, за оберъ гофмаршала графа Левенвольда? — При продолженіи допросовъ оказалось, что Рѣшиловъ говорилъ объ этомъ съ архимандритомъ Маевскимъ и, какъ водится, сдѣлалъ свое замѣчаніе:» какъ де тому статься? понеже Левенвольдъ не славенъ, нововыѣзжій изъ Курляндіи, а князь

Черкасскій изъ первыхъ». Рѣшиловъ спрашивалъ у Маевскаго объ учителѣ Зейконѣ, что былъ у Нарышкинныхъ, а потомъ у государя императора Петра II-го, и преосвященному Ѳеофилакту былъ великій другъ и обсылывалъ табакомъ, и банкетовали почасту. А нынѣ де отправленъ въ свою землю, и на его мѣсто къ государю опредѣленъ Остерманъ». — Саввинскій архимандритъ котораго спрашивали обо всемъ на свѣтѣ и «о древнихъ кесаряхъ римскихъ и о томъ, что такое атеисты, и о новопосвященныхъ и посвящаемыхъ архіереяхъ», объявилъ, наконецъ, что у него отъ постоянныхъ допросовъ и отъ многаго подъ арестомъ пребыванія, нѣтъ ни ума ни памяти. — Архимандрита Маевскаго спрашивали «о преждебывшихъ еврейскихъ и грекоримскихъ царяхъ, добрыхъ и злыхъ — о Давидѣ, Соломонѣ, Іосіи, Іоасафатѣ, Езекіи, Юліанѣ, Константіѣ, Валентѣ, — о духовныхъ дѣтяхъ Ѳеофилакта изъ высшихъ среднихъ и меньшихъ лицъ, умершихъ и живыхъ». Вся жизнь Ѳеофилакта, все, что только говорено имъ когда нибудь въ довѣрчивой и откровенной бесѣдѣ, выведено наружу. Въ дѣлѣ Рѣшилова ясно видѣнъ одинъ предметъ, вокругъ котораго все обращается, — пасквиль на Ѳеофана: но дѣло Ѳеофилакта сложилось такъ случайно и изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, что Ѳеофилактъ никакъ не могъ ожидать отъ него тѣхъ послѣдствій, какія вышли на самомъ дѣлѣ.

Съ перваго взгляда на этотъ любопытный процессъ нельзя не замѣтить, что въ немъ главную роль играютъ личныя отношенія Ѳеофана съ Ѳеофилактомъ.

Это — старые знакомые; только они разошлись и пошли разными дорогами. Они въ одно время были за границей; послѣ того вмѣстѣ были учителями кіевской академіи. Въ 1706 году Ѳеофилактъ перешелъ въ Москву, гдѣ вскорѣ сдѣлался ректоромъ заиконоспасской академіи; а Ѳеофанъ остался въ Кіевѣ и сдѣлался ректоромъ тамошней академіи. Оба, люди даровитые, они имѣли однакожъ различныя

убѣжденія и направленія. Θеофилактъ представлялъ собою во всемъ старый порядокъ и опирался на авторитетъ старины, которую почиталъ священною; Θеофанъ усвоилъ себѣ новый взглядъ и сдѣлался однимъ изъ помощниковъ государя въ устроеніи новаго порядка вещей. Въ 1712 года Θеофанъ издалъ книгу «объ игѣ неудобоносимомъ». Θеофилактъ написалъ не нее возраженіе подъ заглавіемъ: иго Господне благо, — чѣмъ усиливалась вражда между ними.

По особеннымъ отношеніямъ своимъ къ тогдашнему церковному правительству, Θеофилактъ могъ многое сдѣлать ко вреду Θеофана, и онъ воспользовался своимъ положеніемъ.

Когда Кіевъ и весь югозападный край былъ въ восторгѣ отъ Θеофановыхъ изъясненій богословія, московскій ректоръ Θеофилактъ, вмѣстѣ съ іеромонахомъ Гедеономъ Вишневскимъ представили митрополиту Стефану Яворскому записку съ обвиненіемъ Θеофана въ неправославіи. Чтобы придать своему голосу больше силы и авторитета, онѣ представили извѣстнымъ ученымъ грекамъ, братьямъ Лихудамъ, главныя положенія, извлеченныя изъ Θеофановыхъ записокъ и просили дать о нихъ свое мнѣніе. Тѣ дали отзывъ не въ пользу Θеофана «Has praedictas undecim theses esse hereticas patet, — писалъ Іоанникій Лихудъ; his enim quidnam magis impium ac novum audiri potest in sancta et orthodoxa Ecclesia Chiristi?» Въ томъ же смыслѣ засвидѣтельствовалъ и братъ его, Софроній Лихудъ.

Θеофана, между тѣмъ, вызвали въ Петербургъ. Когда онъ, проѣздомъ, зашелъ къ московскимъ ученымъ, его приняли сухо и отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, какъ къ человѣку сомнительныхъ убѣжденій. Θеофану это не могло понравиться.

Чрезъ два года пребыванія его въ С. Петербургѣ, государь назначилъ его епископомъ въ Псковъ. Встревоженный Мѣстоблюститель отнесся къ синодальнымъ членамъ

съ увѣщаніемъ не посвящать его въ епископы до тѣхъ поръ, пока онъ не отречется отъ заблужденій, показываемыхъ въ его сочиненіяхъ, и составилъ самую форму отреченія: «Азъ NN, обрѣтеннаго въ моихъ письмахъ ученія, несогласнаго святѣй, соборнѣй, православнокаѳолической восточной греческой церкви, и аще иное кое той же святѣй церкви противное ученіе обрящется, или свидѣтельствы иными покажется, отрицаюся и анаѳемѣ предаю. А пріелю вся, яже сія святая, восточная апостольская греческая церковь прежде содержала и нынѣ содержитъ: о числѣ книгъ св. писанія и разумѣ и толкованіи его, о преданіяхъ, о соборѣхъ вселенскихъ седмочиленныхъ, о святыхъ отцѣхъ и писаніяхъ ихъ, о святыхъ Божіихъ и призываніи тѣхъ, о почитаніи иконъ святыхъ, восходительномъ на первообразная, о крестѣ, о мощахъ святыхъ, о власти духовной, о грѣсѣ первородномъ, не на похоти лежащемъ, и о прочихъ грѣсѣхъ седмочисленныхъ, о законѣ Божіи, благодатію помощію же и силою Вышняго исполняемомъ отъ человѣкъ праведныхъ, о оправданіи грѣшника, бываемомъ обновленіемъ внутреннимъ чрезъ благодать Божію и дары Духа святаго, на душу человѣческую вливаемыя, — о седьми тайнахъ Новаго Завѣта, о покаяніи и добрыхъ дѣлѣхъ спасенію виновныхъ при доброй вѣрѣ, о молитвѣ за живыхъ и умершихъ, о чиноналіи силъ безплотныхъ и св. архистратизѣ Михаилѣ, и прочіихъ всѣхъ догматѣхъ. Сія вся по разуму Церкви святыя восточныя греческія пріемлю и лобызаю и никогдаже, ни въ чемъ, противно ей мудрствовали обѣщаюся. Тако ми Богъ да поможетъ и сіе божественное Христово Евангеліе. А понеже вышеупомянутая и прочая несогласная святѣй, соборнѣй, восточной церкви, учихъ въ Кіевѣ и писаніемъ ученикомъ и инымъ предахъ, и въ соблазнъ и въ сомнѣніе многихъ приведохъ: того ради долженъ есмь и обѣщаюся своимъ писаніемъ о отрицаніи семъ возвѣстити въ Кіевъ, и всѣмъ причастникомъ противнаго моего ученія и по силѣ моей согласнымъ церкви святѣй уче-

ніемъ оное возражати, а православные догматы и преданія утверждати. Сіе мое клятвенное отрицаніе своеручнымъ подписаніемъ утверждаю».—М. Стефанъ писалъ къ епископамъ, что если Ѳеофанъ не сдѣлаетъ этого отреченія, то просить государя остановить его посвященіе и предложить дѣло на разсмотрѣніе восточнымъ патріархамъ. Но этотъ протестъ, въ нѣкоторыхъ статьяхъ дѣйствительно привязчивый только — какъ справедливо замѣтилъ о немъ м. Евгеній [1], — не былъ уваженъ и къ несчатію послужилъ только поводомъ къ распрѣ между сими іерархами. А Ѳеофилактъ, вмѣстѣ съ Гедеономъ Вишневскимъ, уговорены были новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ подать въ новоучрежденный тогда св. Синодъ донесеніе, что «въ прошлыхъ годахъ предложенныя отъ нихъ преосв. Стефану богословскіи пропозиціи, взятыя ими изъ богословія и иныхъ писемъ преосв. Ѳеофана, въ помянутой богословіи не вси были читаны, и что они подали тѣ пропозиціи преосв. митрополиту безъ всякаго челобитья на кого и доношенія, и не съ намѣреніемъ обиды чьей и помѣшательства къ степени архіерейской, но просто въ разсужденіе предложили. А понеже произошло изъ того на нихъ мнѣніе, якобы ковъ на преосв. архіепископа сочинившихъ, того ради, сіе исповѣданіе ему принося, прощеніе у него просили и получили. Но дабы весьма отъ нихъ помянутое отошло мнѣніе, они просятъ всеусерднѣйше, при семъ своемъ исповѣданіи, и весь св. Синодъ подать имъ милостивое прощеніе.» Позднее и безполезное раскаяніе!

Изданіе *Камня вѣры* и разнесшіеся по этому поводу толки пробудили въ душѣ Ѳеофана старыя горькія воспоминанія. Потомъ начались толки о патріаршествѣ и т. д.

Ни Іоасафа, ни другихъ нельзя строго обвинять за ихъ показанія, направленныя противъ Ѳеофилакта. Пытки и угрозы чего не сдѣлаютъ? Но справедливо ли было при-

---

[1] Слов. дух. писат. Ч. II, стр. 261; изд. 1827 г.

давать значеніе уголовнаго преступленія словамъ, которыя говорились вдвоемъ съ довѣренымъ лицомъ?

«Вотъ, сударь, здѣсь жить,—сказалъ однажды Ѳеофилактъ Іоасафу,—наяву всего боишься и во снѣ пугаешься». Страхъ, весьма естественный для человѣка, у котораго есть недоброжелатели, хотя бы онъ не зналъ за собой большой вины. Ѳеофилактъ имѣлъ уже передъ глазами примѣры, какъ архіереевъ лишали архіерейства и монашества за такія вины, о которыхъ они въ первый разъ слышали, когда имъ объявлялось опредѣленіе. Между тѣмъ и это поставлено въ вину Ѳеофилакту: «знатно совѣсть его зазираетъ, и приходитъ въ такой страхъ по немалому каковому чиненному дѣйствію».

Ѳеофилактъ просилъ Голицына исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на сочиненіе и изданіе книги противъ Буддеевой апологіи: мнительнымъ судьямъ показалось «*не безъ сомнѣнія*: не было-ль у него архіерея въ мысли и сего, якобы въ защиту благочестія писать не позволяется». Какъ будто *Камень вѣры* не былъ запрещенъ!

Послѣ Рѣшилова важнѣйшимъ колодникомъ былъ Алимпій. 4 іюня 1735 члены слѣдственной коммисіи собрались у Ѳеофана, чтобы въ его присутствіи сдѣлать допросъ подозрительному монаху. Алимпій упорно отказывался незнаніемъ. «Ни укоризненныхъ словъ о высочайшихъ особахъ, ни о томъ, что съ еретиками или съ иновѣрными въ бракъ вступили и входъ въ церковь допустили, и что постъ разрушили, на иконѣ книги положили, въ монашескій чинъ постригать запретили, также монахамъ юнымъ ожениться, а монахинямъ молодымъ въ замужество посягать велѣли, на церквахъ не по старому обычаю, но шпицомъ строить и во образъ органовъ на колокольняхъ играть, а иконы на холстахъ писать приказали, и что всѣ или кто-нибудь изъ Россіи на унію преклонились, ни о письмѣ папинѣ — никогда ничего не слыхивалъ». Чего не сдѣлали увѣщанія и угрозы, того надѣялись отъ пытки. По явившимся на Алим-

пія подозрѣніямъ, архіепископъ Ѳеофанъ «за краткость времени, продолженія не терпящую», тутъ же именемъ св. Синода лишилъ Алимпія іеродіаконства и монашества; а гг. министры и генералъ-кавалеръ Ушаковъ приговорили отдать его въ истязаніе въ тайную канцелярію. Протоколъ канцеляріи объ этомъ подписанъ Ѳеофаномъ, Остерманомъ, Ягужинскимъ, Черкасскимъ и Ушаковымъ.

По ходу показаній Рѣшилова, Маевскаго и прочихъ лицъ, къ преосвященному Ѳеофилакту посылаемы были (10 и 22 апрѣля) различные слѣдственные вопросы. Но какъ его отвѣты показались не полными и не удовлетворительными, то кабинетъ потребовалъ его въ С.-Петербургъ. Св. Синодъ, съ своей стороны, объявилъ, что до него касаются разныя дѣла по духовнному суду и, по прибытіи Ѳеофилакта, взялъ съ него росписку, что безъ соизволенія св. Синода онъ не уѣдетъ изъ С.-Петербурга, хотя бы отъ кабинета былъ уволенъ.

Синодскій секретарь Муриновъ, объявлявшій Ѳеофилакту указъ св. Синода, представилъ подробное донесеніе о своемъ разговорѣ съ преосвященнымъ, то есть о томъ, что говорилъ преосвященный при слушаніи указа. «Когда преосвященный подписался, то постоявъ не много у стола выговорилъ таковые рѣчи, въ присутствіи приставленныхъ къ нему кабинетомъ курьеровъ: о вотъ-де я думалъ, что лекарь пришолъ, анъ-де бѣды принесъ. Дойдетъ и до васъ». Потомъ сѣлъ на постель и спросилъ у Муринова: «можетъ ли преосвященный Крутицкій»? Можетъ.—«Кто здѣсь изъ архіереевъ?» Синодальные члены вашему преосвященству извѣстны. — «Кто еще»? Чередной.—«Кто нынѣ рязанскій? Да, Алексѣй». (27 іюня).

30 мая, 26 и 29 іюня сдѣлали допросъ Ѳеофилакту. Но какъ его отвѣты опять показались не удовлетворительными и не согласными съ показаніями Рѣшилова, то коммиссія положила привесть его къ присягѣ.

Указъ объ этомъ, за подписаніемъ членовъ св. Синода

и кабинетныхъ министровъ—Остермана, Ягушинскаго, Черкасскаго и Ушакова, объявленъ былъ Θеофилакту 7 іюля 1735 года. «Пенеже ты на посланные къ тебѣ четыре допроса отвѣтствовалъ весьма, повидимому, не прямо, ибо на первый апрѣля 10 и на вторый апрѣля 22 писанные сказалъ ты, что весьма не вѣдаешь, чего нельзя, кажется, было тебѣ не вѣдать; а на третій мая 30 писанный, гдѣ Рѣшилова именованого також незнаніемъ отговаривался, чего никто не надѣялся; а въ кабинетѣ, 26 дня іюня, первѣе въ незнаніи томъ утверждался, покамѣсть Рѣшиловыхъ къ тебѣ и твоихъ къ Рѣшилову писемъ не показали, а по объявленіи писемъ оныхъ сказалъ ты, что забытіемъ прежде того не написалъ и твое въ томъ незнаніе показывалъ; а на четвертый вопросъ, іюня 29 тебѣ посланный, еще паче прежнихъ отвѣтовъ твоихъ отвѣтствовалъ ты (какъ по всѣмъ обстоятельствамъ и рѣчамъ того же отвѣта твоего разсуждаемъ) не совѣстно, суетно, огурно и самимъ, какъ въ прежнихъ отвѣтахъ твоихъ, такъ и въ послѣднемъ томъ, написаннымъ словамъ твоимъ не согласно и отнюдь не сходно,—и потому показалъ ты самъ себя къ подозрѣнію извѣстнаго слѣдуемаго злаго умысла близкимъ: того ради, по имянному ея императорскаго величества указу, высокоучрежденные кабинетные министры и синодальные члены согласно приговорили: привесть тебя, при знатныхъ духовнаго и мірскаго чина особахъ, къ присягѣ, по приложенной при семъ формѣ. И дабы ты впредь не отговаривался малымъ, къ разсужденію даннымъ тебѣ временемъ и торопкимъ домогательствомъ, дается тебѣ на разсужденіе, итить ли тебѣ къ присягѣ, или сказать, что знаешь, довольное время, а именно до десятаго числа сего іюля мѣсяца. А между тѣмъ и то тебѣ во извѣстіе предлагается, что если ты не вступая въ присягу, не скрытно и прямо покажешь, что надлежащее къ прежнимъ даннымъ тебѣ допросамъ вѣдаешь: то какъ бы ни былъ виноватъ, по благоутробному ея императорскаго величества милосердію, получишь про-

щеніе. Если же присягою завяжешься, а послѣ съ другой какой стороны покажется, что присягалъ ты ложно: то не льстя себѣ вѣдай несумнѣнно, что каковаго суда и осужденія самъ ты признаешь достойными во лжу призывающихъ Бога свидѣтеля, таковый судъ и осужденіе съ тобою будутъ».

Вмѣстѣ съ указомъ сообщена ему и форма присяги, особливо на этотъ случай сочиненная Ѳеофаномъ [1].

Отвѣтъ Ѳеофилакта можно было предугадывать. Посланные съ указомъ симоновскій и чудовскій архимандриты съ оберъ-секретаремъ Дудинымъ и секретаремъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Хрущовымъ, донесли Синоду, что Ѳеофилактъ «прочетъ все, мало помедля, говорилъ: какъ онъ не зналъ—не вѣдалъ, и ни языка-де, ни доносителя нѣтъ, ан-де велѣно ему отвѣтствовать. И того отвѣтствія (говоря сердито и грубо) посланные требовали у него весьма торопко и понудительно, и такъ о требованныхъ у него рѣчахъ,—каковыхъ-де, яко недостойныхъ памяти, и что-де силы въ нихъ никакой нѣтъ, вспомнить тогда не могъ, и на умъ ему не пришло,—и не показалъ. А что нынѣ

---

[1] «Я нижеподписавшійся клянуся Богомъ живымъ, что на поданныя мнѣ, по именному ея императорскаго величества указу, допросы: первый — апрѣля 10 дня, другой—апрѣля 22, третій—мая 30, четвертый—іюня 29 дня 1735 года писанные, отвѣтствовалъ по сущей истинѣ, ничего не утаивая, но столько, сколько зналъ я и знаю, произнося, и что съ бывшимъ іеромонахомъ Іосифомъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ, и ни съ кѣмъ другимъ, какого бы то ни былъ званія, въ словесныхъ и письменныхъ на ея императорское величество нареканіяхъ, не имѣлъ согласія и сообщества, и никакихъ отъ него Рѣшилова или отъ другаго кого ниесть говоренныхъ на ея императорское величество нареканій и поношеній никогда не слыхалъ и не видалъ, и никакимъ другимъ способомъ не вѣдалъ и нынѣ не вѣдаю. Также что писанные отъ мене на вышеупомянутые вопросы отвѣты, безъ всякаго тайнаго въ сердцѣ моемъ толку и подложнаго другаго образа, прямые и истинные суть, въ такой силѣ и разумѣ, въ каковой силѣ и разумѣ писанными мною рѣчами показуются, и какъ отъ чтущихъ такъ и отъ слыщащихъ оныя разумѣются. Тоже сказую по сихъ клятвенныхъ словахъ моихъ. И все то сею моею присягою предъ всевѣдущимъ Богомъ нелестно, нелицемѣрно, и не за страхъ какой, но христіанскою совѣстію утверждаю. Буди мнѣ единый Онъ сердцевѣдецъ свидѣтель, яко не лгалъ въ отвѣтахъ и не лгу въ сей клятвѣ моей; а если лгалъ, или лгу, той же Богъ, яко праведный судія, да будетъ мнѣ отмститель. И въ заключеніе сего цѣлую крестъ и слова Спасителя моего, и рукописаніемъ моимъ сію мою присягу закрѣпляю.»

ему ея императорскаго величества указомъ повелѣвается присягу учинить, то исполнить готовъ, да и самъ онъ желалъ того; понеже совѣсть его въ томъ не зазритъ и никто въ томъ на него показать и доказать не можетъ».

Какъ совершилась присяга, приводимъ подлинный актъ, подписанный синодальными членами и генералъ-адъютантомъ Ушаковымъ.

«Въ назначенный день, 10 іюля, къ члену святѣйшаго правительствующаго Синода преосвященному Питириму, архіепископу нижегородскому и алаторскому, по полуночи въ седьмомъ часу, въ присутствіе прибыли: св. Синода членъ, преосвященный Леонидъ, архіепископъ сарскій и подонскій, генералъ и кавалеръ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подполковникъ, и ея и. в. генералъ-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, да синодальные жъ члены Ааронъ архимандритъ чудовскій, Иларіонъ архимандритъ новоспасскій, Амвросій архимандритъ симоновскій. И отъ означенныхъ присутствующихъ персонъ синодальный секретарь Иванъ Муриновъ посыланъ дважды къ имѣющимся при Ѳеофилактѣ архіереѣ тверскомъ кабинета ея и. в. курьерамъ съ таковыми объявленіи: впервые, чтобъ оный архіерей тверской былъ къ выходу въ церковь для исполненія повелѣннаго ему въ готовности; а вторично: дабы со онымъ архіереемъ тѣ курьеры шли въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, что въ Никольской, близъ тверскаго архіерейскаго подворья (гдѣ оной тверской архіерей содержится) обрѣтающуюся. А сами оные присутствующіе поѣхали въ церковь и по прибытіи ихъ присутствующихъ во оную церковь, и по приведеніи архіерея тверскаго, по полуночи въ началѣ осьмаго часа, вытребована у него архіерея, данная ему архіерею, форма извѣстной присяги, которая имъ и объявлена, и потомъ сказано ему архіерею: если совѣсть его не зазритъ, приступилъ бы ко учиненной ему присягѣ; на сіе сказалъ архіерей Ѳеофилактъ: «готовъ, и совѣсть его не зазритъ; развѣ впредь не покажется-ль,

да не думаетъ того, но надобно-де объявить, что на него показано». На сіе сказано ему: опаго, что въ присягѣ заключается, требуется у него не о будущемъ, но о прошедшемъ. И потомъ пришедъ онъ архіерей къ налою, гдѣ Евангеліе и Крестъ во обычномъ мѣстѣ поставлены были, говорилъ онъ архіерей такое слово: «какъ-де и отвѣта у меня требовано, поступлено не право—имѣя въ рукахъ у себя мои письма, а прежде вопроса мнѣ ихъ не объявили и не показали, а объявили послѣ; а присяга сія не такъ ли мнѣ дѣлается, какъ отвѣтовъ требовано и хорошо ль это такъ дѣлать»? На оныя его рѣчи сказано тому архіерею Ѳеофилакту, что оную присягу ему повелѣно учинить по всемилостивѣйшему ея и. в. указу, и обойтися кромѣ присяги не можно, понеже по разсмотрѣнію высокосіятельныхъ господъ министровъ и св. Синода членовъ показалися о немъ не малыя важныя сомнительства и требуется тоя присяга по самому дѣлу, и естьли совѣсть его въ томъ не зазритъ, сомнѣваться не о чемъ; а буде въ чемъ зазритъ, разсудилъ бы. И выслушавъ оное, бывъ въ не маломъ смятеніи, какъ видно было, на оныя рѣчи сказалъ: «совѣсть его не зазритъ и готовъ исполнить». И приступя къ самому налою, положа присягу на Евангеліе, читалъ ее вслухъ присутствующимъ. И какъ сталъ ее оканчивать чтеніемъ, дважды плакалъ. И окончивъ тое присягу, поцѣловалъ слова и крестъ Спасителя нашего, отступилъ отъ налоя и подписался подъ присягою своеручно. И по подпискѣ оная присяга у него взята. И притомъ вышеозначеннымъ присутствующимъ генераломъ и кавалеромъ, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подполковникомъ, и ея и. в. генералъ-адъютантомъ, А. И. Ушаковымъ объявлено, дабы онъ архіерей данный ему о учиненіи означенной присяги, за руками высокосіятельныхъ господъ министровъ и св. Синода членовъ и его превосходительства, указъ имѣлъ при себѣ въ секретѣ и какъ обрѣтающимся при немъ караульнымъ, такъ и никому иному отнюдь не объявляя и сло-

весно о томъ ничего не произнося. Что выслушавъ сказалъ: «извольте указъ у меня принять». На сіе ему его жъ превосходительствомъ объявлено: его-де превосходительство того принять собою не можетъ, а имѣлъ бы оной указъ онъ архіерей, такъ какъ ему объявляется, до указу, при себѣ: на что онъ архіерей сказалъ: чинить потому такъ буду. Тѣмъ оное дѣйствіе и заключилось.»

Синодальные члены въ тотъ же день донесли Ѳеофану, въ его приморскую мызу, что «*извѣстная ему персона* присягу учинила, а какимъ образомъ, донесемъ вашему преосвященству впредь; а нынѣ, за нижеупомянутымъ случаемъ нечаяннымъ, времени не достало».

По странному стеченію обстоятельствъ, въ тотъ же самый день случилось происшествіе, которое замѣтно обезпокоило многихъ.

Вечеромъ, одинъ изъ синодальныхъ членовъ, новоспасскій архимандритъ Иларіонъ, возвращаясь отъ преосвященнаго Питирима на свое подворье, на пути внезапно скончался. «Сказываютъ, что въ то время, не доѣхавъ до дому, противу гостинаго двора, изъ коляски выпалъ, но не усмотря то служители безъ него нѣсколько и отъѣхали. И увидя то караульные солдаты, стоящіе у гостинаго двора, покойнаго архимандрита служителей вскликали и подняли его на дорогѣ, гдѣ онъ изъ коляски выпалъ, уже умерша. И тако разсуждается, что оный смертный часъ прилучился тогда отъ убою, какъ изъ коляски выпалъ, понеже на лѣвомъ вискѣ имѣется багрово». Бывшій при освидѣтельствованіи докторъ объявилъ, что убила его конечно внезапная апелепсія.

Между другими Ѳеофанъ, замѣтно былъ обезпокоенъ этимъ событіемъ; но и событіе, и безпокойство скоро забылись. Архимандрита Иларіона похоронили въ невскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ прежде былъ намѣстникомъ.

Іюля 11 синодальные члены послали къ Ѳеофану подробное извѣстіе (актъ) о совершеніи присяги; а на другой

день получили отъ него собственноручный отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «сего іюля 11 дня получилъ я исправно писаніе святыни вашея, которымъ изволите мнѣ повѣстить о событіи извѣстнаго дѣла: за что я всепокорно преосвященству вашему благодарствую. И при семъ благопочтенно предлагаю, что таковую же дѣйствія онаго повѣсть, по моему мнѣнію, надлежитъ копіею, съ подписаніемъ рукъ святыни вашея (а хорошо бы, и съ подписаніемъ руки его сіятельства генерала Андрея Ивановича Ушакова, если мощно) написать къ лицу ея императорскаго величества и прислать сюда, для врученія ея величеству».

Августъ, сентябрь и большая половина октября прошли въ допросахъ разныхъ лицъ. Ключь ко всѣмъ домашнимъ тайнамъ Ѳеофилакта, ко всѣмъ его дѣйствіямъ и разговорамъ, данъ былъ Рѣшиловымъ въ его показаніяхъ. За нимъ, обнадеженный милостію, ступилъ Маевскій и подтвердилъ всѣ показанія Рѣшилова, описалъ, съ драматизмомъ и краснорѣчивыми подробностями всю жизнь Ѳеофилакта, сколько она была видима имъ, всѣ его разговоры съ ними, всѣ поступки, которыхъ они были свидѣтелями или участниками. Первыя показанія восходятъ ровно за десять лѣтъ—къ тому времени, какъ только Іоасафъ поступилъ на службу въ тверскую епархію. Приведемъ нѣкоторыя, болѣе характерныя изъ этихъ показаній.

— Въ августѣ 1726 года, отправляясь въ С.-Петербургъ, Ѳеофилактъ взялъ съ собою до Торжка архим. Маевскаго. Дорогой разговорились о рязанской каѳедрѣ. Ѳеофилактъ сказалъ, что охотно перешелъ бы на нее послѣ Стефана, но нехочетъ послѣ Сильвестра. Отъ Стефана перешли къ Ѳеофану—что онъ лютеранскую сторону держитъ. Послѣ того преосвященный спохватясь спросилъ архимандрита: «и ты, судья мой, не ихъ ли духа?» На это архимандритъ отвѣчалъ, что никакъ бы и думать того о немъ не изволилъ. (20 іюля 1735.)

— Бывши въ Твери изъ калязина монастыря, въ 1727 г.,

Маевскій разсуждалъ съ Рѣшиловымъ о лютеранской вѣрѣ и, между разговоромъ, называлъ Ѳеофана лютеранскимъ защитникомъ. Теперь Маевскій показывалъ, что говорилъ это о Ѳеофанѣ съ разговоровъ бывшаго александроневскаго намѣстника Варлаама Голенковскаго и справщика Варсавы, а также съ рѣчей жившаго въ домѣ его преосвященства, іеромонаха Симона Кохановскаго, которые выдавали Ѳеофана съ этой стороны, и наконецъ со словъ Ѳеофилакта (26 іюля 1735 г.).

— Въ 1728 г., въ бытность преосв. Ѳеофилакта въ Твери, Рѣшиловъ переведенъ изъ ракова въ клобуковъ монастырь игуменомъ. Послѣ того, ввечеру, въ первыхъ числахъ января, при имѣвшейся въ келліяхъ его архіерейскихъ музыкѣ, Ѳеофилактъ за чашею вина поздравлялъ Рѣшилова съ клобуковскимъ игуменствомъ и называлъ «кашинскимъ коханнымъ прелатомъ»; а Рѣшиловъ сперва поблагодарилъ Ѳеофилакта, потомъ держа стаканъ въ рукахъ, сталъ на колѣни и сказалъ: «да здравствуетъ святѣйшій патріархъ всероссійскій». Ѳеофилактъ оглянулся на него «пригнѣвнымъ образомъ» и окинувъ взоромъ присутствующихъ сказалъ: «что ты бредишь»? Рѣшиловъ заговорилъ другое.—Послѣдовавшее за тѣмъ изданіе Камня вѣры, при содѣйствіи И. А. Мусина-Пушкина, Д. М. Голицына, Ѳ. М. Апраксина и Г. И. Головина, еще болѣе утвердило ихъ въ мысли о патріаршествѣ Ѳеофилакта.

— Въ 1729 г. Маевскій пріѣхалъ въ Москву къ Ѳеофилакту и привезъ съ собою дѣло Рѣшилова, по жалобѣ клобуковской братіи и монастырскихъ крестьянъ. Въ святки онъ бывалъ у преосвященнаго. Одинъ разъ рѣчь зашла о государѣ. Ѳеофилактъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что Петръ II-й еще въ молодыхъ лѣтахъ, и наставленія добраго, какъ монархамъ принадлежитъ, дать некому; и вспомянувъ нѣкотораго своего друга Зейкона, хвалилъ его благочестіе и ученіе, и говорилъ, что онъ весьма бы надобенъ былъ въ нынѣшнее время къ наставленію государя въ добрыхъ нравахъ и благочестіи. «А нынѣ-де имѣется учитель Остер-

манъ, да и того гг. Долгорукіе—чтобъ не часто ему съ его величествомъ видѣться — устранили: подъ видомъ возвышенія чести дали ему мѣсто въ Сенатѣ. А хотябъ-де онъ Остерманъ и всегда былъ при государѣ: все въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, потому что онъ лютеранской вѣры. Надобно бы его величеству о томъ совѣтовать, да некому. Я бъ и радъ, да несмѣю. А св. Синоду согласиться невозможно, за тѣмъ, что преосв. новгородскій и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними-жъ только знается». При этомъ вспомянулъ о живущемъ въ домѣ Ѳеофана, іеродіаконѣ Адамѣ (Селліѣ), что де «и Адамъ его по лютеранскимъ домамъ всегда бѣгаетъ, и у генерала Якова Брюса чуть не живетъ». На это слово о Брюсѣ онъ архимандритъ сказалъ, что «говорятъ, будто Брюсъ не лютеранинъ, но атеистъ?» Они и съ такими знаются—отвѣчалъ Ѳеофилактъ. (27 іюля 1735 г.).

— Кромѣ вышеупомянутыхъ тетрадей противъ Буддея, которыя попали въ тайную канцелярію, Ѳеофилактъ написалъ еще книгу на лютеранъ. Когда Маевскій, при одномъ разговорѣ (1731 г.) спросилъ, что это за книга и какъ она называется, — Ѳеофилактъ отвѣчалъ: «преосвященный-де Ѳеофанъ блаженной памяти государю Петру I-му поднесъ съ лютеранской стороны своихъ трудовъ нѣкоторую книжицу. Графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ прислалъ экземпляръ этой книжицы ему Ѳеофилакту и велѣлъ ему писать на нее: такъ вотъ онъ и написалъ». Преосв. Ѳеофанъ, по поводу этого показнія, объявилъ въ слѣдственной каммиссіи, что это наносится на него клеветнически, что такой книги государю онъ неподносилъ. «Не оттого ли эта клевета происходитъ, что онъ въ 1718 году, по прозьбѣ Мусина-Пушкина далъ ему своихъ трудовъ книжицу Ига ветхозаконнаго, которая никакой противности здравому разсужденію благочестиваго исповѣданія несодержитъ»?

— Въ бытность въ бизюковѣ монастырѣ Рѣшиловъ говорилъ, что когда онъ былъ въ расколѣ, ему хотѣлось ви-

дѣть архіерея; а по обращеніи своемъ желалъ видѣть патріарха. Маевскій отвѣчалъ на это: «если ты при жизни блаженной памяти государя Петра II-го не видалъ патріарха: то ужъ не увидишь». Послѣ того Рѣшиловъ спросилъ: «отчего не сбылось патріаршество Ѳеофилакта?» На это Маевскій отвѣчалъ: «быть бы ему давно патріархомъ, только скрипочки ему, да дудочки помѣшали» и прибавилъ, что эти слова — объ охотѣ Ѳеофилакта до музыки онъ слышалъ отъ князя Д. М. Голицына въ бытность въ Москвѣ по дѣлу архіепископа. Маевскій защищалъ его передъ Голицынымъ; но набожный вельможа отвѣчалъ: «полно, полно! Я знаю, каковъ вашъ архіерей. Не такъ онъ живетъ, какъ отецъ его, преосвященный Стефанъ митрополитъ». (31 іюля 1735 г.).

Къ этимъ вопросамъ и показаніямъ просоединились еще *секретныя*, касавшіяся государственныхъ дѣлъ. Поводъ къ разговорамъ объ этихъ дѣлахъ подавали сперва неопредѣленность относительно порядка русскаго престолонаслѣдія, потомъ издававшіяся по этому предмету постановленія съ тайными статьями. Напримѣръ: у Маевскаго, а потомъ и у Ѳеофилакта спрашивали: «говорилиль они, что государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ наслѣдницею россійскаго престола уже не быть, того ради, что, по преставленіи государя императора Петра II-го, о принятіи россійскаго императорскаго престола отъ гг. министровъ было ея высочеству предлагаемо и ея высочество, какъ слышно было, яко бы того отрещись изволила;—что принцесса Анна Леопольдовна крещена въ лютерскій законъ; — что при сочетаніи княжны Екатерины Іоанновны съ мекленбугскимъ герцогомъ договоръ такой состоялся, дабы будущія отъ нихъ какъ мужеска такъ и женска пола дѣти крещены были по герцогѣ въ лютерскую вѣру (судитъ Богъ П. И. Ягушинскому: все то онъ сдѣлалъ, прибавлялъ будтобы Маевскій) и что для того и ея высочество, принцесса Анна (Леопольдовна) крещена въ лютерскую вѣру, которую и по нынѣ

содержитъ;—что оставшійся послѣ цесаревны Анны Петровны († 1728 г.) отъ голштинскаго герцога сынъ Карлъ Петръ Ульрикъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III) наслѣдникомъ россійской имперіи быть не можетъ; потому что отецъ его герцогъ, имѣя наслѣдственное право на шведскій престолъ, уступилъ это право въ пользу своего сына, и что онъ содержитъ вѣру лютерскую»?

Утромъ 22 октября отправленъ указъ къ Ѳеофилакту съ первымъ секретнымъ вопросомъ, съ требованіемъ письменныхъ своеручныхъ секретныхъ отвѣтовъ на этотъ и будущіе вопросы, и съ обыкновенною угрозою за ложъ или утайку достодолжнаго штрафованія безъ всякаго упущенія. Вечеромъ того же дня посланы еще два вопроса.

Въ отвѣтахъ первое затрудненіе вышло изъ того, что Ѳеофилакту велѣно было присылать свои отвѣты за печатью: а у него не было ни какой печати. Синодъ сдѣлалъ ее на свой счетъ. За тѣмъ пошли опять разные вопросы по показаніямъ Рѣшилова, Маевскаго, Давыдова и прочихъ прикосновенныхъ лицъ.

На вопросъ: зачѣмъ онъ взялъ съ собою Рѣшилова, которому, безъ указу св. Синода, не велѣно выѣзжать изъ С. Петербурга, Ѳеофилактъ далъ отвѣтъ, сообразный съ тѣмъ, что мы сказали выше о Рѣшиловѣ. Св. Синодъ нашелъ этотъ отвѣтъ неудовлетворительнымъ. Въ томъ же засѣданіи синодальный оберъ-секретарь словесно предложилъ, что когда передъ этимъ онъ былъ, по порученію св. Синода, у преосвященнаго Ѳеофилакта, то Ѳеофилактъ спросилъ: «гдѣ живетъ теперь преосвященный Ѳеофанъ? велѣлъ отдать ему поклонъ отъ себя и просилъ, не можно ль его преосвященству обослать его отъ рыбы»? «На что расуждаемо, что въ пропитаніи даются ему деньги, изъ которыхъ можно ему и рыбу покупать».

Въ тотъ же день отправленъ былъ къ нему дополнительный вопросъ: какъ онъ произвелъ Рѣшилова во игумена, когда онъ не его епархіи? Ѳеофилактъ отвѣчалъ, что по

обращеніи изъ раскола, Іосифъ не приписанъ ни къ какой епархіи и пришелъ къ нему, какъ овца, не имущая пастыря; хотя онъ и обманулся въ немъ, но въ то время полагалъ приличнымъ, наградивъ его, расположить этимъ примѣромъ другихъ къ обращенію изъ раскола. И этотъ отвѣтъ найденъ неудовлетворительнымъ.

Въ избѣжаніе проволочки, рѣшено было допрашивать Ѳеофилакта словесно въ присутствіи Синода. На 45 вопросовъ подсудимый далъ показанія по архіерейству.

Дня черезъ три послѣ вопросовъ, которые прямо относились къ слѣдственному дѣлу, у Ѳеофилакта спросили совсѣмъ неожиданно: былъ ли онъ въ Львовѣ, когда Іосифъ, епископъ шумлянскій, оставя благочестіе, принялъ унію, и при немъ ли этотъ Іосифъ, съ каронныимъ гетманомъ Яблоновскимъ, тоже уніатомъ, доставали штурмомъ соборную церковь? Ѳеофилактъ отвѣчалъ, что онъ былъ въ то время въ Львовѣ и самъ видѣлъ, какъ штурмовали львовскую церковь. Прежніе его отвѣты, судя по послѣдствіямъ, найдены недостаточными: но этотъ показался удовлетворительнымъ.

За этимъ вопросомъ, дней черезъ 20 (5 декабря), послѣдочалъ новый — о подробностяхъ этого штурма: «какимъ именно образомъ обрѣтающаяся во Львовѣ соборная благочестивая церковь вышепоказанными уніаты доставаема была штурмомъ и сколько при томъ доставаніи военнаго и прочаго уніатскаго закону народу было? И тѣ уніаты тое церковь досталиль и какъ скоро? И буде достали, то тое благочестивую церковь въ свой уніатскій костелъ превратилиль? И отъ того времени всель и по нынѣ тамо уніаты дѣйствіе свое отправляютъ?»

Ѳеофилактъ отвѣчалъ: «какъ соборная благочестивая церковь, во Львовѣ обрѣтающаяся, Іосифомъ епископомъ шумлянскимъ съ гетманомъ каронныимъ Яблоновскимъ, съ уніаты, штурмомъ доставаема была: тогда при томъ доставаніи военнаго и прочаго уніатскаго закона народа было напримѣръ человѣкъ со сто, или и больше, которые ломами

и бревнами били въ двери, и топорами рубили, и стѣну проломавъ и отломавъ двери часа черезъ два или три, такъ тое церковь и достали, которую и обратили въ свой уніатской костелъ. И оттого времени, какъ его преосвященству слышно, все и по нынѣ тамо уніаты дѣйствіе свое отправляютъ».

Въ томъ же собраніи сдѣланъ ему допросъ о томъ, что̀, по его мнѣнію, кромѣ непреложно вѣруемыхъ въ христіанствѣ догматовъ, такожь и заповѣдей, непремѣннаго исполненія требующихъ, признается за среднее, за нужду нѣкую могущее быть отмѣненнымъ? Ѳеофилактъ отвѣчалъ: «что по его мнѣнію къ безразличнымъ или среднимъ вещамъ относятся: крестохожденіе, водоосвященіе, погребеніе мертвому учинить безъ церемоніи церковной, крестить больнаго за немощь безъ молитвъ единою формою: во имя Отца и Сына и святаго Духа, и матеріею,—въ нуждѣ болѣзни пріобщать св. таинъ ядшаго, маслосвятіе, кое можно учинить и единому священнику, и прочая симъ подобная, которая, бы подробно исчислять, могутъ найтись довольно».

Слѣдствіе продолжалось. Допросы возобновлялись. Новыя лица были требованы и допрашиваемы. Наконецъ дѣло перешло въ тайную канцелярію, куда мы не можемъ за нимъ слѣдовать, и ужъ послѣ смерти Ѳеофана († 1736 г. сент. 8), но еще при владычествѣ Бирона, кончилось тѣмъ, что 13 декабря 1738 года Ѳеофилакта, *за важныя его вины*, лишили архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина. Преосвященный Амвросій, епископъ вологодскій, имѣлъ несчастное порученіе отъ Синода привесть это опредѣленіе въ дѣйствіе въ тайной канцеляріи. И сталъ Ѳеофилактъ разстригой Ѳедоромъ Леонтьевымъ, сыномъ Лопатинскимъ.

Въ то же время высочайшимъ указомъ повелѣно было перевесть изъ Твери въ С. Петербургъ его библіотеку и весть собственный скарбъ.

Съ тверскаго архіерейскаго подворья перевели его въ крѣпость, гдѣ онъ и содержался до смерти императрицы Анны.

Правительница Анна Леопольдовна велѣла освободить его изъ заключенія, съ объявленіемъ высочайшаго указа именемъ императора: «бывшему тверскому архіерею Θеофилакту, хотя онъ по слѣдственнымъ дѣламъ и виновенъ явился, однакоже для многолѣтняго его и. в. дражайшаго здравія и благополучнаго государствованія, также и поминовенія блаженной и вѣчной памяти достойной императрицы Анны Іоанновны, оную его вину нынѣ *отпустить, и по прежнему санъ архіерейства ему отдать* и для пропитанія опредѣлить его въ пристойный монастырь. 30 декабря 1740 года».

Преосвященный Амвросій взялъ его больнаго и изувѣченнаго на свое подворье и имѣлъ утѣшеніе, вмѣстѣ съ синодальными членами, преосвященнымъ Стефаномъ Калиновскимъ и архимандритомъ Маркеломъ Родышевскимъ, участникомъ его страданій, объявить ему высочайшій указъ о возвращеніи ему архіерейства [1].

Указъ объявленъ ему 12 января 1741 г.; а мая 6 онъ скончался, имѣвъ утѣшеніе удостоиться передъ кончиною посѣщенія великой княжны Елисаветы Петровны. Тѣло блаженнаго архипастыря погребено въ невскомъ монастырѣ въ лазаревской церкви [2].

Прочія лица не избѣжали своей участи. Что сталось съ Рѣшиловымъ, неизвѣстно. Іоасафъ лишенъ былъ сана и уже въ 1742 г. возвращенъ ему іеромонашескій чинъ, а въ 1745 г. и архимандритскій санъ, причемъ онъ сдѣланъ настоятелемъ кіевомежигорскаго монастыря.—Наконецъ въ исторіи Маркелла Родышевскаго невинно замѣшанъ былъ харьковскій (куряжскаго монастыря) архимандритъ Платонъ

---

[1] Это возвращеніе, конечно, должно понимать собственно какъ признаніе степени архіерейства дѣйствительною и не нарушимою неправильнымъ опредѣленіемъ о лишеніи сана.

[2] Вслѣдъ за Θеофилактомъ освобождены изъ крѣпости 534 полусогнившихъ книги Камня вѣры, въ томъ числѣ двѣ письменныхъ оригинальныхъ. Тѣмъ же высочайшимъ указомъ (26 декабря 1741 г.) разрѣшено было «впредь оныя по потребѣ печатать и продавать въ народѣ».

Малиновскій. Онъ былъ назначенъ кіевопечерскимъ архимандритомъ и уже прибылъ въ Москву, какъ въ вдругъ это назначеніе отмѣнено. Его послали въ ипатскій монастырь. Когда, какъ и зачто послѣ того судили его, неизвѣстно. Видимъ только, что въ 1734 г. имя его упоминалось въ показаніяхъ симоновскаго эконома Серафима Лупкина по дѣлу Родышевскаго, который изъ-подъ своего симоновскаго ареста, не смотря на строгій запретъ, ѣздилъ къ Платону въ бытность его въ Москвѣ, для поздравленія и имѣлъ съ нимъ разговоръ иностраннымъ нарѣчіемъ. Послѣ того въ 1738 г., *въ одно время съ Ѳеофилактомъ*, его лишили сана и монашества и, подъ мірскимъ именемъ Павла, сослали въ Камчатку, на вѣчное пребываніе. Но послѣ восшествія на престолъ Елисаветы Петровны и милостиваго указа ея о невинно-ссыльныхъ, иркутскій епископъ Иннокентій взялъ его, за неимѣніемъ учителей, въ школу и ходатайствовалъ предъ духовнымъ и гражданскимъ начальствомъ о возвращеніи ему прежняго сана, поелику онъ «о лишеніи священномонашества всегда пребываетъ въ унылости». Синодъ, по сношеніи съ тайной канцеляріей, разрѣшилъ возвратить ему санъ и прежнее званіе и опредѣлить его въ какой-нибудь пристойный московскій монастырь. Но унылость до того изнурила всѣ его силы, что, прибывши въ Москву, онъ просилъ св. Синодъ освободить его отъ всякаго начальства и уволить въ кіевопечерскій монастырь на уединенное житіе. «Примѣчая по вся дни не малую во всемъ тѣлѣ моемъ здравія слабость и умножающуюся болѣзнь, и къ всякому правительству неудобство, разсудилъ я въ себѣ, по совѣсти христіанской, неудобоносимыхъ не касатися, но на уединенное токмо проситься житіе». Однакожь это желаніе его не исполнилось. Въ 1742 г. онъ былъ посвященъ въ епископа сарскаго. Скончался въ 1754 г. архіепископомъ московскимъ и погребенъ въ чудовѣ монастырѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Посланіе мѣстоблюстителя патріаршаго престола, рязанскаго митрополита, Стефана Яворскаго къ преосвященнымъ Алексѣю сарскому и подонскому и Варлааму тверскому и кашинскому, 1718 г.

По указу благочестивѣйшаго государя нашего велѣно вашимъ преосвященствамъ ѣхать въ С.-Петербургъ, для поставленія архіереевъ на вдовствующіе престолы. И потому великаго государя указу благоволите путь сей благополучно воспріяти и дѣло, на неже звани есте, по чину и уставамъ святыя, православно-восточныя, каѳолическія нашея церкви совершити, и избранныхъ и достойныхъ превысокаго архіерейскаго сана благодатію всесвятаго Духа, даннаго вамъ, рукоположеніемъ посвятити. Аще же бы преосвященствамъ вашимъ представленъ былъ къ посвященію въ архіерея на кій либо престолъ пречестный о. іеромонахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ: то вы архіереи должны есте сія непремѣнно сохранить:

1. донести благочестивѣйшему государю, что помянутый пречестный о. Ѳеофанъ Прокоповичъ имать препятіе, которое самъ на себя наложилъ ко святому, великому, архіерейскому сану. Препятіе же сіе есть — ученіе его, несогласное святой нашей апостольской, православно-каѳолической церкви,— которое ученіе проповѣдывалъ онъ, подъ именемъ богословія, явно въ Кіевѣ въ училищахъ, яко же о томъ свидѣтельству-

ютъ кіевскіе ученики его и прочіе; а наипаче письма его, богословскими нареченныя, отъ которыхъ нѣкая преосвященствамъ вашимъ, ради свѣдѣнія, подаются.

2. Аще бы сего ученія не призналъ своимъ пречестный о. Ѳеофанъ Прокоповичъ: то обличатъ его письма, его ученикамъ въ Кіевѣ преданныя, кромѣ иныхъ свидѣтельствъ. Аще ли бы призналъ за свое оное ученіе, а глаголалъ бы согласное сіе быти святѣй нашей восточной церкви: то должны архіереи Божіи просить благочестивѣйшаго государя, дабы, аще намъ въ томъ неизволитъ вѣрити, благоволилъ сія его ученія послати къ святѣйшимъ патріархамъ, ради подлиннаго извѣстія, не противна ли сія суть святѣй нашей церкви? А донелѣжъ о семъ извѣстіе получить, благоволилъ бы пресвѣтлѣйшій монархъ поставленіе Ѳеофана Прокоповича отложить на иное время.

3. Аще же бы іеромонахъ Прокоповичъ признался до сего ученія, яко его есть, и слышавши, яко новое и противное есть нашей святой, апостольской церкви: то долженъ есть съ покаяніемъ его отрещися явно прежде поставленія, по образу поданному преосвященствамъ вашимъ и прочая вся по обычаю исповѣданія, и о томъ бить челомъ великому государю. И егда сіе исполнитъ, посвятите его по царскому изволенію. Аще же бы не посему сіе сдѣлалось, азъ не повиненъ сему — вы узрите.

Ученіе пречестнаго отца Ѳеофана, обрѣтающееся въ его письмахъ латинскихъ и русскихъ.

Conclusiones, excerptae ex materia, tradita Kioviæ.

1. Spiritus s. veritas est: originale peccatum consistere in concupiscentia. Духа святаго истина есть, яко первородный грѣхъ есть похоть.

2. Concupiscentia haec datur de Facto nunc etiam in renatis. Unde in sancto Paulo etiam habitavit peccatum originale post conversionem. Похоть эта пребываетъ и нынѣ (не только въ невѣрныхъ), но и въ крещеныхъ. Того ради и въ св. Павлѣ жииваше грѣхъ первородный по обращеніи.

3. Legem Dei nemo, etiam quantumcumque justus, perfecte adimplere potest. Закона Божія никто же, аще бы и зѣло былъ праведенъ, совершенно исполнити не можетъ.

4. Homo neque gratiam, neque gloriam meret per bona opera sua, quantumcumque salutaria. Человѣкъ не заслуживаетъ ни благости (Божіей), ни славы (вѣчной) добрыми дѣлами своими, аще и зѣло спасительными.

5. Non datur in homine justitia intrinseca. Sed justus ffi ex peccatore per justitiam Christi per fidem sibi applicatam, et per meram non imputationem peccatorum a Deo. Не дается человѣку отъ Бога правда внутренняя. Но праведенъ бываетъ изъ грѣшника правдой Христовой чрезъ вѣру себѣ приложенную и единымъ невмѣненіемъ грѣховъ отъ Бога.

6. Dota incassum eliciuntur, utpote quam ab homine impleri nequeunt quantumcuquue justificatio. Обѣщанія всуе бываютъ, понеже ихъ человѣкъ исполнити не можетъ, аще бы и зѣло былъ оправданъ.

7. Poenitentia est tantum moera actio paenalis, nullam conferens justitiam intrinsecam. Покаяніе есть токмо дѣло наказательное, ни единыя подающее правды внутреннія.

8. Refragatores Evangelii, sev peccantes in Spiritum s., ideo habent et hic et in futuro peccatum irremissibile, quia amplius eos Deus non vocat ad poenitentiam. Противящіеся Евангелію или согрѣшающіе на Духа святаго, того ради имѣютъ здѣ и въ будущемъ вѣкѣ грѣхъ неотпустительный, яко уже къ тому Богъ не призываетъ ихъ на покаяніе.

9. Peccatum, ut sit peccatum, non requiritur esse aut voluntarium aut liber. Грѣхъ, дабы былъ грѣхомъ, не требуетъ, дабы былъ вольный или свободный.

10. Peccatum in fidelibus etiam minimum et non voluntarium reum tamen hegenam facit, veniale tamen est propter non imputationem a Deo per Christi merita in justificatis; in infidelibus vero omnia sunt mortalia. Грѣхъ въ вѣрныхъ, аще и малѣйшій и невольный, достойна человѣка творитъ геенны; обаче простительный есть, яко не вмѣняетъ его Богъ ради заслугъ Христовыхъ съ оправданныхъ. Въ невѣрныхъ же вся суть грѣхи смертные.

11. Numerus septenarius peccatorum mortalium est merum firmentum Cassiani. Число седмеричное грѣховъ есть токмо вымыслъ Кассіана.

Кромѣ сихъ учитъ той же:

1. Яко едина вѣра безъ дѣлъ оправдаетъ человѣка, и сія вѣра не тая есть, ею же вѣримъ догматы вѣры православныя, но токмо сія, ею же вѣримъ, яко Христосъ можетъ и хощетъ намъ грѣхи отпустити.

2. Яко ни едино дѣло доброе есть чисто и совершенно предъ Богомъ и достойно воздаянія вѣчнаго.

3. Яко всегда всякъ человѣкъ во грѣхѣ есть, дабы всегда возмоглъ истинно глаголати: остави намъ долги наша.

4. Яко чиноначалія ангельская и лики ангеловъ раздѣленніи— суть вымышленіе человѣческое.

5. Яко книги св. Діонисія Ареопагата, въ нихъ же чини сіи ангельстіи откроются, не суть Діонисіевы, но нѣкоего баснотворца.

6. Яко чрезъ Михаила архангела не разумѣется Михаилъ созданный, архистратигъ силъ небесныхъ, но подъ симъ именемъ разумѣется Михаилъ несозданный, сіе есть самъ Христосъ Богъ.

Сія ученія и прочая множайшая суть въ писаніяхъ латинскихъ, а нѣкая же и въ русскихъ, іеромонаха Ѳеофана Прокоповича. Аще же тако держалъ прежде архіерейства: чего надѣяться, егда архіерейскую власть пріиметъ.

Смиренный Стефанъ, митрополитъ рязанскій и муромскій

II.

Доказательство ясное, что папино письмо (къ Ѳеофану) отъ нѣкоего плута вымышленное, и каковое не только не было, но и весьма быть не могло.

Пишетъ то папа, будто бы, Бенедиктъ: а годъ въ томъ письмѣ означенъ 1718. А того года не былъ папа Бенедиктъ, но Климентъ, который умре.

Число имени папину не приписано. А папа въ письмахъ своихъ къ знатнымъ людямъ пишетъ тако, напримѣръ: Климентъ II папа. А когда генеральное ко многимъ пишетъ установленіе или указы, тогда имени своему числа не придаетъ, да и неназываетъ себя папою, но такъ пишетъ: Климентъ епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ.

Еще къ титлѣ папиной придано: Стараго Рима и прочая, чего въ папиныхъ письмахъ никогда не пишется. И если бы кто папежскаго исповѣданія человѣкъ назвалъ папу Стараго Рима, великую бы ему уразу здѣлалъ, и не былъ бы безъ истязанія, яко показавшій мнѣніе, что папа есть только Стараго Рима папа.

Примѣчаніе. Приходило плуту сему на мысль, что константинопольскаго патріарха титла имѣетъ сіи слова: Новаго Рима, и оттого догадывался глупецъ, что въ титлѣ папежской имѣютъ быть рѣчи: Стараго Рима.

Начато папино пиьмо къ епископу тако: наимилшему сыну нашему и проч. А папа епископамъ пишетъ: любимому брату нашему.

Тогожъ епископа, во ономъ письмѣ, неназываетъ папа никакимъ епископомъ, но токмо имя его и прозваніе означаетъ: а папа, когда пишетъ къ епископу, рѣдко когда по имени его, но только по епископской титлѣ пишетъ, такъ напримѣръ: любимому брату нашему, епископу аквенскому, Сикстъ пятый папа.

Незналъ плутъ, когда Ѳеофану, до епископской титли, придано Архи: и того ради опасался въ томъ погрѣшенія, и вымыслу своему обличенія, и ненаписалъ никаковой тытлы. А папа вѣдалъ бы, какъ Ѳеофана тытулуютъ, еслибы Ѳеофанъ къ папѣ писалъ, какъ въ лжесоставномъ семъ письмѣ папиномъ написано [1].

---

[1] Курсивныя слова и строки вписаны собственною рукою Ѳеофана.

Привѣтствіе папино изображено тако: апостольскаго престола, и нашея можности благословенство, — что произошло смѣшнымъ весьма мечтаніемъ сочинителя глупца. Папа къ кому письмо пишетъ, такъ ему въ началѣ привѣтствуетъ: спасенія и апостольскаго благословенія. А можности своей, хотя и прегордый, такожъ и апостольскаго престола, не упоминаетъ. Но здѣ примѣчать надобѣ, что сего письма сочинитель, имѣлъ конечно справливаться, и у нѣкіихъ, которыхъ онъ разумѣлъ за искусныхъ, спрашивать: какъ свою папа титлу въ письмахъ изображаетъ, и какое привѣтствіе, или доброжелательство отъ себе къ получающимъ письма его пишетъ. А тотъ, кто его въ семъ научить хотѣлъ, устроилъ начало папскаго письма по неискуснымъ догадамъ своимъ, каковое сочинитель сей написалъ. А привѣтствіе уформовалъ надогадъ же, по сему: папежскіе епископы, въ титлахъ своихъ обычно пишутъ тако, напримѣръ: «Фортунатъ Божіею, и святаго престола апостольскаго милостію, епископъ сабинскій»; знатно же тотъ, кто сего писца научалъ, невѣдая, какъ пишутъ папы, а вышепоказанную папежскихъ архіереевъ титлу, яко частую и обычную зная, изъ титлы сея выплелъ оное привѣтствіе: «апостолскаго престола, и нашея можности благословенство». Но кромѣ, что показалъ свое недознаніе, еще и дурость свою явилъ: изъ титлы оный епископской лучше бы такое привѣтствіе сочинить: Божія, и апостолскаго престола благословеніе.

Пишется въ папиномъ письмѣ, будто папа, по присланному къ себѣ письму *отъ архіерея Θеофана*, извѣстился такъ какъ и отъ союзниковъ своихъ, что онъ *Θеофанъ въ Россіи на мѣстѣ* кардинала засѣдаетъ. Не зналъ глупый сочинитель, что дѣло или чинъ кардинальскій, и что въ нашей Церкви нѣтъ чина кардиналамъ подобнаго. Но понеже расколщики, не по историческому искуству, но по самомнѣнію своему, какъ о прочіихъ дѣлахъ и чинахъ, такъ и о папежскихъ кардиналахъ сказуютъ то, что имъ кажется, а именно думаютъ, будто у римлянъ то кардиналъ, что у насъ митрополитъ; того ради и сего писмишка авторъ къ тому мнѣнію сличную рѣчь написалъ.

Примѣч. О такомъ кардиналства толку обрѣтается письмо расколничье въ архивахъ синодальныхъ.

Письмо оное таковаго папу выставляетъ, каковаго никакой воръ (развѣ на пыткѣ) себе не показуетъ. Всякій воръ и злодѣй воромъ себе и злодѣемъ не называетъ, и хотя безсовѣстный еретикъ, однако же объ себѣ сказуетъ, что онъ весма доброй совѣсти и что за истину стоитъ, а противной себѣ сторонѣ не важныя, и несильныя мудрованія восписуетъ. А въ письмѣ семъ папа явственно показуетъ свое безсовѣстіе, и худоуміе: будто бы по мнѣнію его патріархъ, и двѣ другіе именуемыя отъ него особы были помѣшателми въ намѣреніи его, и будто бы онъ патріарха, яко сильнаго въ догматѣхъ, опасался. И хотя бы подлинно таковые въ папиной головѣ были помыслы, однакожъ бы онихъ не объявлялъ ни кому писменно. Еще же русскую исторію папа пишетъ къ русскому человѣку, отъ котораго надлежало бы ему требовать себѣ оной исторіи. Да сверхъ того, самый штиль, или сочиненнаго слова составъ неразумный, гнусный, нескладный, суесловный, рѣчи въ немъ надменные, и таковые прибираные, каковые невѣжамъ, да витійствовать тщащимся кажутся быть высокіе, и риторскіе: такой штиль явно показуетъ, что писмишко сіе сочинялъ нѣкто глупый, да еще и не трезвый книгочій.

Не меншая дурость и невѣжество обличается въ заключеніи письма. Годъ только и мѣсяцъ означенъ, а нѣтъ слѣдующихъ рѣчей, которые въ папиныхъ, объ таковомъ важномъ дѣлѣ, письмахъ обычно прописуются: дано у святаго Петра, подъ перстенемъ рыболова, архіерейства нашего году, такого числомъ.

Еще же и внѣ письма того, двѣ явственныя лжи, по своему глупству и безстудію, лаятель сей произнесъ: 1) будто виленскій бискупъ, который въ 1719 году былъ въ Вильнѣ бискупомъ, *а умеръ 1725 года или немного ранѣ, или позже, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ учился въ школахъ. А бискупъ оный прозваніемъ Бростовскій, былъ тогда уже бискупомъ, когда Ѳеофанъ младъ первѣе въ Польшу пришелъ*; 2) будто бы виленскій оный бискупъ именуемыхъ имъ особъ знаетъ за союзниковъ *въ римской вѣрѣ Ѳеофана* и за поборниковъ исповѣданія римскаго.

ПРИМѢЧАНІЯ КОТОРЫЕ ПОДАЮТЪ ПОДОЗРѢНІЕ ВЪ СОЧИНЕНІИ ПОДМЕТНАГО ПИСЬМА
на іеромонаха Іосифа Рѣшилова.

1. Письмо сіе сочинялъ не малороссіецъ, но великой Россіи человѣкъ, да незнаемо для чего (а знатно для укрывательства) на образецъ польскаго языка рѣчи пристроивалъ. Тоже дивно, и примѣчанія достойно, что плутъ сей, въ повѣсти о показанномъ себѣ акибы папиномъ письмѣ, сказуетъ, что онъ оное письмо на русское перевелъ, а перевелъ не на русское, но якобы на малороссійское, а паче и польское, какъ ему казалось, да и то дурно. А что онъ не малороссіецъ есть, явно намъ по симъ слѣдующимъ въ папиномъ письмѣ рѣчамъ: 1) полученное, 2) отеческіе законы, 3) главныи, 4) помѣшатели, 5) невыключены, 6) поборять, 7) ратовать; изъ которыхъ шесть первыхъ нарѣчій, ни единаго въ употребленіи малороссійцы не имѣютъ; а седмое «ратовать» есть у малороссійцевъ да не въ той силѣ, въ которой здѣ положено, но въ противной: ратовать, въ великороссійскомъ языкѣ, есть воевать, или ратію на кого поступать; а въ малороссійскомъ значитъ, оборонять, заступать, защищать. Сверхъ того, еще и по сему знать, что сочинитель сего письма не малороссіецъ есть, что написалъ онъ, вмѣсто благодарствую, сіе другое нарѣчіе: динкую. А такъ малороссійцы не говорятъ, но говорятъ дякую. Видноже, что плутъ сей, слыша у польскихъ людей: дзіенкуе, подумалъ, что изъ того малороссійцы формуютъ: динкую.

2. Пришложе намъ, хотя не скоро, на мысль, что передъ нами, аки бы пошучуя, таковаго рѣчей русскихъ на польскіе претворенія употреблялъ Рѣшиловъ, а наипаче слова сего: динкую. И то такъ живо прибралось намъ на память, что на него о сочиненіи извѣстнаго пашквиля подозрѣніе стало, и по многомъ размышленіи весьма утвердилось, что насъ и подвигнуло требовать, дабы его сыскать къ дѣлу.

3. А въ привезенныхъ съ нимъ изъ Москвы письмахъ явилось первое: что къ нему тверской архіерей Ѳеофилактъ не въ одномъ письмѣ своемъ пишетъ званіемъ польскимъ, хотя русскими литерами, а именно: мосцѣ ксѣнже брацѣ; тамъ же: пралацкое лице; тамъ же: вашей превелебности. А въ другомъ письмѣ:

зацный пралаціе, мой коханый браціе; да тамъ же: вашея пречестности, зацнего пралата, и кохонего брата. Тамъ же внѣшнее надписаніе—превелебнѣйшему. А отъ сихъ онаго архіерея писанныхъ рѣчей, можно знать, что хотя шуточное, для забавы, какъ водится, бывало у Рѣшилова употребленіе нарѣчій польскихъ, (очемъ вѣдали мы и прежде, какъ во второмъ пунктѣ показано), однакоже зналъ оной архіерей, что Рѣшиловъ часто такой польщизны употребляетъ; и потому сего нарицаемаго папина писма, близкимъ подозрѣніемъ признавается авторъ Рѣшиловъ. Сеже наипаче здѣ примѣчать надобѣ, что нарѣчіе Коханый, отъ тверскаго архіерея къ Рѣшилову написанное (и знатно часто на словахъ употребляемое), написано и въ письмѣ папиномъ.

4. А въ письмѣ самаго Рѣшилова, которое писалъ къ тверскому архіерею изъ подъ ареста, съ Москвы, явственно наше на него, въ сочиненіи папина письма, подозрѣніе утверждается. Проситъ Рѣшиловъ у тверскаго архіерея денегъ на уплату похищенной суммы, за что тогда въ Синодѣ содержался. Разсужденія же достойно, какъ онъ тое прошеніе сочинилъ. Написалъ первѣе похвалу милостыни, долгимъ многословіемъ на подобіе предики: да вся та похвала сочинена діалектомъ не такъ малоросійскимъ, какъ бы польскимъ, или на польскій образецъ устроеннымъ: изъ чего явно, что Рѣшиловъ въ такомъ то діалектѣ, часто и охотно упражнялся, о чемъ и выше сего примѣчали мы. И штиль здѣ — подобный штилю вышепоказанному отъ насъ въ доказательствѣ притворнаго папина письма. Но паче всего примѣчать надлежитъ, что нарѣчіе въ папиномъ письмѣ «благословенство» изъ польска, вмѣсто благословенія, написанное дважды, написалъ Рѣшиловъ и въ семъ своемъ милостыни похваленіи: благословенствомъ своимъ Господь Богъ и проч. А таковаго нарѣчія, въ русской говоркѣ, и малороссійцы не употребляютъ и ни у кого мнѣ слышать, кромѣ Рѣшилова, не случилось. По оному же похвальномъ о милостыни словѣ, произноситъ прошеніе свое Рѣшиловъ великороссійскимъ діалектомъ, въ которомъ прошеніи, особливыя примѣчанія покажемъ мы ниже сего. А здѣ доказательство на Рѣшилова въ сочиненіи папина письма родится

намъ слѣдующее: папино письмо писалъ человѣкъ великороссійскій, какъ выше показано, да формовалъ рѣчи на польскій діалектъ: а Рѣшиловъ, и по нашему прежнему знанію, и какъ изъ упомянутыхъ писемъ извѣстно, таковой—то человѣкъ, и кромѣ его, чтобъ кто другой въ Россіи въ таковыхъ письмахъ былъ ему подобный, не надѣюсь. Еще же и особливыя нарѣчія: благословенство, коханный, обрѣтающіяся въ письмѣ папиномъ, являются и въ письмахъ Рѣшилову свойственныхъ: то когожъ кромѣ его искать, какъ письму папину, такъ, чаю, и всему пашквилю автора?

5. Еще же штиля Рѣшилова со штилемъ папина письма и всего пашквильнаго сочиненія сходство и согласіе слѣдующими примѣтами, кажется, не темно познаваемъ. А именно:

а) авторъ пашквиля къ сочиненію вѣршиковъ, хотя весма неправильныхъ, охотникъ; понеже лаи своя и началъ, и окончилъ вѣршиками, и на страницѣ 4 много блазней вѣршиками изобразилъ. А таяжъ къ вѣршеписанію охота и у Рѣшилова. Въ единомъ письмѣ къ тверскому архіерею похвалу ему соплетаетъ сими словесы: радуйся новый Давиде побѣдивый Голіафа, не пращію, но камнемъ вѣры, стерлъ еси сопротивныя супостаты, реку, люторы и калвины, и русскія маловѣры». И надѣяться бы больше того въ письмахъ Рѣшилова, еслибы нашлось больше ихъ число.

а) авторъ пашквиля, надменныя и высокія прибираетъ рѣчи: тожъ дѣлаетъ и Рѣшиловъ въ своихъ нетайныхъ письмахъ.

г) авторъ пашквиля любитъ часто много прикладовъ изъ писанія и исторій, такожъ изъ разныхъ писателей свидѣтельства употребляетъ: посмотри же и на Рѣшилова письмо, гдѣ онъ выхваляетъ милостыню многими прикладами и свидѣтельствы. А то дѣлаетъ безъ всякой нужды, только для показанія, что онъ гораздо отъ прочихъ монаховъ отличенъ.

д) авторъ пашквиля часто слезы и плачи и вопли пишетъ: такожъ и Рѣшиловъ; да и въ томъ его наипаче съ пашквильникомъ сходство, что къ изъявленію печали, однихъ, почитай, словъ употребляетъ. Напримѣръ: въ пашквилѣ въ самомъ началѣ: плачися, рыдай горко; и на страницѣ 7-й: восплачемся и воз-

рыдаемъ горько; подобнѣ и въ письмѣ къ тверскому архіерею: гласъ мой и рыданіе горькое. Опять въ пашквилѣ на страницѣ 6 и 9: со изліяніемъ слезъ; тотъ же рѣчи образъ и въ Рѣшиловомъ въ Синодъ прошеніи: обліяся слезами молю.

е) да и о другихъ необычныхъ, и въ народѣ нечастыхъ словахъ, пашквильныя и Рѣшилова рѣченія сходна; напримѣръ въ въ письмѣ папиномъ: за вѣру поборять; а въ Рѣшиловомъ письмѣ: по церкви поборствуя. И какъ лживый папа необычнымъ словомъ изобразилъ благодарствіе: вписалъ въ вѣчнодостойную себѣ жалость; подобнѣ тожъ и Рѣшиловъ изобразуетъ въ своемъ къ тверскому письмѣ: сотвори со мною вѣчную память.

ж) особливо примѣчаемъ, что каковымъ видомъ пашквиль, на страницѣ 9, изъявляетъ бѣдность крестьянскую: не знаютъ праздника, ни дня воскреснаго, ниже прибѣгнуть къ церкви Божіей; подобнѣ тому пришло на умъ Рѣшилову изобразить бѣдность свою за арестомъ (чего по егожъ сказкѣ не бывало) въ письмѣ своемъ: уже и въ церковь изъ узъ не испускаютъ, и святыя исповѣди, и причащенія таинствъ лишихся.

з) и се еще весьма дивно, что авторъ пашквильный, въ нареканіяхъ, и въ печалныхъ повѣствованіяхъ, часто сего нарѣчія *уже* употребляетъ. Зри о томъ на страницѣ 1 и на страницѣ 4 и на страницѣ 5 трижды, и на страницѣ 7 трижды, и на страницѣ 9. И только на тѣхъ мѣстахъ рѣчь сію «уже» примѣчаемъ, на которыхъ не было, кажется, нужды оную писать, а можно было и безъ ней обойтись. И признавается, что оное нарѣчіе «уже» свойственное есть пашквильнику, какъ и всякому, почитай, человѣку свойственны отъ обыкновенія суть нѣкія нарѣчія. А Рѣшиловъ въ письмѣ своемъ, въ краткой печальной своей повѣсти, четырежды написалъ оное нарѣчіе «уже».

6. Что касается до литеръ, — еслибы явились каковые письма Рѣшиловы полууставомъ писанные, то не было бы трудно познать, его ли рукою писанъ пашквиль, или другаго кого. А хотя нѣтъ доселѣ таковаго полууставнаго Рѣшилова письма, однакоже не малое число литеръ, каковые въ скорописныхъ его письмахъ зрятся, подобны суть литерамъ пашквильнаго письма. А наипаче, сіи литеры «Ѳеоф.» написанные отъ него въ титлѣ тверскаго архіерея Ѳеофилакта, въ письмѣ къ нему, по моему мнѣнію весма сходны

суть съ тѣми же литерами въ письмѣ пашквильномъ, написанными многократно.

7. А се каково кажется, чтоа вторъ пашквильный, на страницѣ 8, показуетъ одного, другаго, и третьего, а именно, которые клеветали *на Ѳеофана, якобы въ неправомъ ученіи, а Ѳеофилакта Лопатинскаго*, который въ первомъ клеветаніи начальникъ былъ, невоспоминаетъ. Знатно *Лопатинскому* пашквильникъ сей былъ подкомандный, и ласкательный, и опасался, дабы, отъ именованія Лопатинскаго, не произошло на него подозрѣніе.

8. И се кажется, не безъ хитрости, что пашквильникъ чрезъ сіе лаятельное письмо свое, клевещетъ на всѣхъ знатнѣйшихъ людей, будто бы они уклонились въ лютерскую вѣру, а котораго человѣка начальникомъ того уклоненія ставитъ, того не въ лютераны, но въ паписты произвелъ, знатно для того, чтобы не было помысла, которой онъ есть факціи и команды.

9. Въ письмѣ пашквильномъ, на страницѣ 9, между тягостьми народными, положилъ бичевники. А сіе, кажется, не пришло бы на мысль, развѣ тому, кто надъ Волгою живетъ. А Рѣшиловъ въ калязинѣ монастырѣ, іюня по 26 число 1733 года, жилъ, который монастырь надъ Волгою. ***Былъ же и въ Раковѣ монастырѣ игуменомъ, надъ Волгою же.***

10. Въ своемъ къ Синоду прошеніи Рѣшиловъ, описавъ все свое житіе, когда пришелъ до своего въ раковѣ монастырѣ игуменства, и нѣкихъ съ него переходовъ, тутъ и остановился, а гдѣ потомъ былъ ничего не пишетъ. Не совѣсть ли претила ему другіе мѣста упоминать, чтобъ не подать мнительства, и слѣда не показать, къ случайнымъ нѣкіимъ, какъ бываетъ, взысканіямъ, — который нашъ догадъ еще вящше потому утверждается что не вспомянулъ и бизюкова монастыря, изъ котораго онъ, ко взысканію похищеныхъ имъ денегъ взятъ.

11. Въ томъ своемъ къ Синоду прошеніи, проситъ Рѣшиловъ, дабы невзыскивано на немъ денегъ, для поминовенія высокославныя и великодостойныя [1] памяти государя нашего императора Петра перваго, самодержца всероссійскаго. А не придалъ блаженныя памяти государя Петра втораго, государынь царицъ

---

[1] *И се еще для чего такъ, а не какъ обычно пишутъ: вѣчнодостойныя.*

и царевенъ, ни именно, ни вообще, отъ фамиліи ея императорскаго величества преставшихся, ниже для здравія ея императорскаго величества, и высокой ея величества фамиліи: а знаетъ что такъ многіе пишутъ, хотя не по указу, но по обычаю. И то онъ, по моему мнѣнію, учинилъ хитростію таковою, чтобъ подозрителные на себя о сочиненіи пашквиля (гдѣ онъ на государя Петра перваго лаетъ) помыслы отвергнуть, еслибы кто объ немъ подумалъ. А наипаче въ томъ, что въ пашквильномъ письмѣ написано, на страницѣ 9: каковъ поминокъ, и проч.

12. Отпущенъ Рѣшиловъ изъ калязина монастыря іюня 25 дня 1732 года, съ паспортомъ тамошняго архимандрита, въ которомъ его отшествіи примѣчаемъ слѣдующая: 1, паспортъ ему данъ — итить въ троицкой монастырь, и оттуда, если похощетъ, въ Москву; а о возвращеніи его, ничего не написано: и для чего бы то тако? — 2, что оной его отпускъ и отшествіе близкое было къ обрѣтенію пашквильнаго писма; — 3, справка здѣ нуждная. . . . . . и собою калязинскій архимандритъ такой ему паспортъ написалъ, или по чьему приказанію? 4, справиться же, былъ ли Рѣшиловъ тогда въ троицкомъ монастырѣ, или ни?

13. Скоро послѣ того прибѣгъ Рѣшиловъ въ бизюковъ монастырь, который стоитъ на рубежѣ государства. А въ томъ подозрѣніе: не для того ли онъ туды улетѣлъ, для чего и прежде Сильвестръ Медвѣдевъ туды же прибѣжалъ, и покушался за подобное злодѣйство казни избѣжать? По многимъ вышеобъявленнымъ здѣ обстоятельствамъ видѣть мощно, что Рѣшиловъ на рубежъ прибѣглъ, дабы увѣдомленъ о происходящихъ на него въ дѣлѣ пашвильномъ поговоркахъ, возмогъ себе скоро спасть переѣздомъ одной небольшой рѣки. Да тожъ и самъ Рѣшиловъ сего 1733 года, октября 28 дня, въ синодальномъ дому, въ Санктпетербургѣ, при допросахъ своихъ, въ другомъ дѣлѣ, проговоркою своею не легко утвердилъ; ибо, когда его увѣщевали общими словами, дабы онъ, не льстя себя, объявилъ все, въ чемъ ему совѣсть зазритъ, онъ на то, паче чаянія, сказалъ; я де не мыслилъ отъ православныя державы бѣжать, за рубежъ уходить». Были притомъ, по синодальному приказанію, Иларіонъ архимандритъ новоспасскій, Іоаннъ протопопъ благовѣщенскій,

синодальный обер-секретарь Михайло Дудинъ, подпоручикъ Алексѣй Головинъ, и секретарь синодальный Алексѣй Волковъ, что тогда же и записано.

14. 1732 года, мѣсяца *(справиться о числѣ и мѣсяцѣ)* когда въ Москвѣ отъ Синода, усмотря Рѣшиловымъ похищенныя государевы деньги, приказано искать Рѣшилова, и спрошено у тверскаго стряпчаго, гдѣ Рѣшиловъ, тогда онъ стряпчій отвѣтствовалъ, что Рѣшилова во всей тверской епархіи нѣтъ.

15. Изъ-подъ аресту московскаго пишетъ Рѣшиловъ къ Ѳеофану, новгородскому архіерею прошеніе слезное, дабы его отъ платежа похищенныхъ денегъ предстательствомъ своимъ у святѣйшаго Синода освободилъ. Да пишетъ же и къ александроневскому архимандриту Петру, и прося у него таковагоже себѣ благодѣянія, и къ Синоду ходатайства, особливо требуетъ, дабы, оной архимандритъ просилъ Ѳеофана архіерея о показаніи къ нему той же милости, и называетъ онаго архіерея премилостивымъ къ себѣ отцемъ. И сіе его къ Ѳеофану прошеніе и ласкательство не безъ подозрѣнія. Ѳеофанъ не былъ ему врагъ, да не былъ же и знатный благодѣтель. Еще же чрезъ полные шесть лѣтъ не писалъ онъ къ Ѳеофану, и бывъ между тѣмъ въ Москвѣ (какъ нынѣ самъ показалъ: а можетъ быть и не однократно), бывалъ у бывшаго ростовскаго Дашкова, а Ѳеофану не являлся: и какъ о бытности его Рѣшилова въ Москвѣ, такъ и гдѣ онъ Рѣшиловъ доселѣ обращался, Ѳеофанъ отнюдь не вѣдалъ. Знатно же отъ сего Рѣшилова къ Ѳеофану ласкательства, что онъ Рѣшиловъ размышлялъ съ собою, не пріидетъ ли кому, письмо пашквильное чтущему, на мысль подумать и объ немъ, яко пашквильномъ авторѣ. И понеже Ѳеофана въ письмѣ пашквилномъ не легко трактуетъ, того ради таковымъ чрезъ письма, внушаемымъ своимъ къ Ѳеофану якобы доброжелательствомъ, отводить хотѣлъ отъ себя вышеупомянутый подозрительный догадъ.

ПРИМѢЧАНІЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ДѢЛЪ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ, ЧТО ИЗВѢСТНАГО ПАШКВИЛЯ, ВЪ 1732 ГОДУ, МѢСЯЦА . . . . ПОДМЕТНАГО, АВТОРЪ ИЛИ СОЧИНИТЕЛЬ ЕСТЬ БЫВШІЙ МОНАХЪ, ЧТО НЫНѢ РАЗСТРИГА ИВАНЪ РѢШИЛОВЪ.

Весь складъ, составъ, или штиль письма онаго (кромѣ нѣкіихъ немногихъ частей, которые кажутся выше ума его) есть Рѣшиловскій. Такъ онъ и пишетъ, и говоритъ: что въ особливомъ писемъ его съ письмомъ пашквильнымъ сводѣ показано, и въ кабинетъ подано.

Собственно тожъ является изъ вымышленнаго и въ пашквиль вложеннаго понтифическаго письма, такъ на стать польскаго языка дѣланнаго, какъ и пишетъ и говоритъ Рѣшиловъ.

Показуетъ тожъ исходъ Рѣшилова изъ монастыря калязина въ Москву, и оттуда, по нѣкоемъ времени, походъ его тайный въ бизюковъ монастырь порубежный: что все онъ дѣлалъ въ вышеупомянутомъ 1732 году, около того времени, какъ поднятъ оной пашквиль.

Когда Рѣшиловъ былъ, въ 1732 году, до отъѣзда своего, въ Москвѣ, то въ монастырѣ савинскомъ, то на подворіи тогожъ монастыря: тогда про бытность его секретарь тверскаго архіерея вѣдалъ. А какъ отъ него Давидова, по приказанію синодскому, спрашивано, гдѣ Рѣшиловъ: то онъ Давидовъ приказалъ подъячему своему отвѣтствовать, что Рѣшилова во всей тверской епархіи нѣтъ: а гдѣ онъ, — не сказали. И сія утайка къ чему годилась, долженъ сказать Давидовъ.

По привозѣ Рѣшилова въ Сантпетербургъ, когда его синодальный членъ при другихъ, первое о томъ спросилъ просто: для чего онъ въ бизюковъ монастырь пошелъ, онъ на то отвѣтствовалъ: «я де не думалъ за рубежъ изъ царства православнаго отлучаться». Изъ чего ему пришло на мысль тако отвѣтствовать?

Понеже въ пашквилѣ, между прочимъ, нареканіе написано, что патріарха нѣтъ, того ради данъ Рѣшилову вопросъ на письмѣ: ласкательноли онъ извѣстную персону, яко имѣющаго быть патріархомъ, поздравлялъ, или прямикомъ? И онъ отвѣтствовалъ, что поздравлялъ прямикомъ, и показалъ многіе того причины и обстоятельства.

Сидя за арестомъ, неоднократно требовалъ бумаги, обѣщаясь написать все, что вѣдаетъ, и писалъ на себя и на другихъ немаловажные продерзости, о которыхъ его не спрашивано. А то дѣлалъ знатно для того, дабы тако показать, что еслибы онъ пашквиля былъ сочинитель, и тотъ бы грѣхъ свой объявилъ.

Когда ему, при министрахъ, велѣно письмо пашквильное дать посмотрѣть, тогда онъ первѣе головою сталъ качать, и очки съ носа, моргая, скинулъ; а послѣ и одной строки не прочетъ, началъ бранить того, кто оное письмо сочинилъ, называя его проклятымъ, еретикомъ, діаволомъ.

Допрашиванъ же и бывшій савинскій архимандритъ, о многихъ въ пашквилѣ написанныхъ знатныхъ рѣчахъ, слышалъ онъ тые отъ Рѣшилова, когда гостилъ у него Рѣшиловъ въ 1732 году: и архимандритъ хотя на всякій допросъ мялся, однакоже, по многимъ увѣщаніямъ, показалъ чуть не всѣ рѣчи предложенныя, что говорилъ Рѣшиловъ.

Секретарь Давидовъ сказывалъ прежде, что не зналъ про бытность въ Москвѣ Рѣшилова, а послѣ довелось, и отъ сына его показано, что зналъ.

Оной же секретарь говорилъ, что Рѣшилова только по лицу знаетъ, а послѣ явилось, что имѣлъ съ нимъ дружбу, и гостемъ у него бывалъ, и книжицу отъ Рѣшилова, съ подписаніемъ руки его, на благословеніе себѣ получилъ: да и самъ въ томъ винился.

Сюда же надлежитъ и постриженіе сына его секретарева въ монахи, весь въ дивныхъ и необычныхъ обстоятелствахъ.

III.

Отзывъ преосвященнаго Ѳеофана о книгѣ доминиканца Рибейры.

Сего 1733 г. марта 21 дня, получилъ я отъ высокосіятельныхъ гг. министровъ писаніе, которымъ, по извѣстному мнѣ въ тайной канцеляріи дѣлу, требовать изволите, дабы я предложилъ во извѣстіе: въ книгѣ противъ апологіи Буддеевой на книгу Камень вѣры не имѣетсяль какихъ противностей церкви православной вѣры греческаго исповѣданія, и иныхъ неприличныхъ рѣчей къ лицу ея императорскаго величества и къ поношенію и укоризнѣ россійской націи, и тому подобныхъ? И потому я, нижеподписавшійся, книгу оную отъ Рибейры, латинскаго испанской націи монаха написанную, со всякимъ мнѣ возможнымъ прилежаніемъ прочитывыя и разсуждая примѣчалъ, гдѣ бы въ ней нѣкія упомянутому сужденію подлежащія рѣчи могли усмотрѣтись..

А по примѣчанію моему усмотрѣлъ я, что въ книжицѣ сей, кромѣ гнуснаго штиля и стыднаго какъ въ латинскомъ языкѣ, такъ въ богословскихъ и историческихъ ученіяхъ не искуства, и весьма грубаго невѣжества (въ чемъ автора обличать намъ здѣ ненужда), много насѣяно плевелъ, которые зѣло угодны не единъ вредъ и церкви и государству россійскому учинить. Понеже Рибейровы, не на одномъ въ сей книжицѣ мѣстѣ, видимыя лжесловія таковой въ себѣ ядъ содержатъ, что одни изъ нихъ могутъ другимъ государствамъ, въ мирѣ или въ въ союзѣ съ нами пребывающимъ, подать на насъ подозрѣніе якобы о нашемъ къ нимъ недоброхотствѣ; а другія подметуютъ соблазнъ самому россійскому народу и междоусобной смутѣ и раздору; нѣкая же суть къ обоимъ таковымъ пакостямъ устроенная,—съ намѣреніемъ ли то своимъ или чужимъ писалъ тако Рибейра, изслѣдовать намъ и нельзя и нужды нѣтъ: совѣсть его знаетъ. Мы только то показать къ нашему оберегательству должны, что таковая, какъ выше упомянулось, въ сей его книжицѣ вредословія обрѣтаются. А то ясно показуемъ въ слѣдующихъ пунктахъ.

1. Въ предисловіи къ ея императорскому величеству, перваго листа на оборотѣ, пишетъ Рибейра, будто бы его премногія духовныя власти русскія домогательно просили, дабы онъ написалъ книгу сію. Мощно же знать, что онъ явно и безстыдно

лжетъ, если онъ чрезъ духовныхъ русскихъ властей, не только архіереевъ, но и знатнѣйшихъ архимандритовъ разумѣетъ. Гдѣ же при немъ обоихъ сихъ властей число премногое было? Сколько ихъ ни было въ Москвѣ въ бытность его, и въ разныя времена, не было всѣхъ нетокмо премногое, но и немногое число; да и тѣхъ большая половина невидѣли его, а которые и видѣли, еще не всѣ и тѣ знали его; но развѣ увидѣвъ удивлялись, недовѣдуя, какова-то и откуда харя: которые же его и знали отчасти, немню—что бъ ихъ было больше десяти человѣкъ; а изъ десяти тѣхъ, если которые наущали его къ писанію книжицы, то развѣ два или три то дѣлали—кто глупѣе и ему подобные невѣжи, еще же и латинствующіе и россійскому отечеству недоброжелательные, или и тайно отъ стороны папѣжской подосланные плевосѣятели. А изъ вѣрныхъ россійскихъ членовъ кто бы требовалъ,—хотя бы и малоученый былъ человѣкъ,—отъ старца иностраннаго и иновѣрнаго и недавноявившагося, защищенія россійской церкви? Не такъ русскіе люди неопасны, чтобъ къ такъ великому дѣлу неизвѣстнаго, паче же и противнаго человѣка пожелали себѣ въ стряпчіе. Что же коснется до ученыхъ нашихъ, (которыхъ какъ и въ духовномъ, такъ и въ мирскомъ чину не скудное число), отъ кого же изъ сихъ Рибейра ученнѣйшій? а кто изъ ученыхъ неотвѣдалъ — какой Рибейра незаводный школьникъ? Если бы онъ молчалъ или нѣчто съ перемолкомъ рѣдко проговаривалъ: мощно бы объ немъ налогадъ и не низко разсуждать; но самъ себѣ, каковъ онъ, ясно и не однократно объявилъ на школьныхъ диспутаціяхъ, произнося рѣчи, не изъ внутреннихъ учительныхъ сокровищъ, но изъ школьныхъ площадей взятыя, и почитай вытертыя и весьма изношенныя, каковыми и книжицу сію засорилъ. А однако произносилъ ветошье оное надъ мѣру спѣсиво и гордо, шумя и подскакивая, и руками сплескивая, и часто туда и сюда обращаясь, смотря: удивляются ли присутствующіе; и могъ таковымъ шатаніемъ купить себѣ у простаковъ не плохое мнѣніе. А ученые, которымъ таковыхъ хвастуновъ обычай извѣстенъ, тотчасъ узнали, что онъ не великаго болота куликъ. Какова же бы ученымъ у насъ людямъ, да еще властямъ духовнымъ, была нужда такъ слабаго бойца призывать на заступленіе вѣры!

Самъ Рибейра въ сей своей книжицѣ называетъ іхъ премудрѣйшими, ученѣйшими, проницательными и острыми. Немалое же диво, если бы или и самые сіи, отъ него славиміи, или другіе нѣкіи, сихъ своихъ миновавъ, у испанскаго монаха просили обороны. Да знатно нарочно Рибейра такъ высоко нашихъ нѣкоторыхъ властей выхвалилъ, дабы посему многіе могли объ немъ подумать: какъ то онъ самъ въ богословіи высокъ, когда и свидѣтельствованные отъ него, яко зѣло ученыя власти русскія, аки бы исповѣдуя какъ они предъ нимъ малы, у него силъ помощныхъ требуютъ! Явно же отсюду и плутовство и лжесловесіе безстудное! Да намъ бы въ томъ дѣла не было, еслибы сіи Рибейровы плутни не вводили въ отечество наше различнаго бѣдства, а то вводятъ не одно. Первое — наносится немалый порокъ русскимъ духовнымъ властямъ, да еще премногимъ, будто онѣ хранятъ тайное съ папежниками въ вѣрѣ согласіе, и на нихъ всячески надѣются; второе — всѣвается въ россійскую церковь взаимное между властями духовными и мірскимъ чиномъ подозрѣніе, и отъ того къ раздору склонность; третіе — русскимъ раскольникамъ подается въ суевѣріи своемъ утвержденіе и матерія клеветѣ на чинъ пастырскій; четвертое — понеже Рибейра книгу сію ея императорскому величеству, всероссійской самодержицѣ, подноситъ и къ лицу ея величества сія въ предисловіи предлагаетъ, наводитъ тако на превысокую ея величества особу порочные легкомысленнымъ человѣкомъ помыслы, будто бы то Рибейра пишетъ къ ней, что ей любо и пріятно, и сіе первое плутовство Рибейрино малое ли? Да обратится болѣзнь его на главу его.

2. Тогожъ предисловія на другомъ листу пишетъ Рибейра, что онъ предъ своимъ изъ Москвы исходомъ, списавъ сея книжицы копію, оставилъ у нѣкоего ученаго мужа, хотящаго книгу ту на русскій языкъ перевесть, и тако мужа онаго благочестію довольство учинить. Не солгалъ въ семъ Рибейра, понеже явно уже стало, съ которымъ-то у насъ мужемъ имѣлъ онъ въ семъ дѣлѣ союзъ и сговоръ. Но понеже Рибейра ученаго онаго, и по своему мнѣнію или извѣстію благочестиваго мужа, кто онъ именно недоказалъ: того ради вышепоказанная въ первомъ пунктѣ ложь его отъ сего можетъ утверждаться, и головамъ

невѣжливымъ, мнительнымъ, да еще и неспокойнымъ вѣроятна быть. Не солгалъ, подумаютъ Рибейра, что первѣе написалъ о премногихъ духовныхъ русскихъ властяхъ, помощи у него просившихъ, когда нашелся у насъ такой человѣкъ, который и перевесть книгу его на языкъ нашъ потщался и у Рибейры за благочестиваго имѣется; и потому все, что первой Рибейровой лжи послѣдствуетъ, вящше отъ сего утверждается; а наипаче безсовѣстное поношеніе на ея императорское величество,— понеже и сіе плутецъ говоритъ къ лицу ея величества.

3. На томъ-же другомъ листу предисловія къ лицу ея императорскаго величества Рибейра пишетъ: что онъ надѣется по извѣстному ея величества благочестію, что сіе его твореніе отъ ея величества непрезримо будетъ; и симъ онъ ласкательствомъ вышеупомянутый на монаршую особу наносъ паки укрѣпляетъ; ибо хотя въ сей его книжицѣ нѣкія онъ намъ съ латинами общая преданія защищать покушается (и прямо покушается только, а не дѣлаетъ, понеже и весьма некрѣпкія, иная-же и себѣ самому невѣдомыя и многія ложныя доказательства приводитъ): однако же много въ ней насѣялъ плевелъ, какъ ко внутренней отечества нашего смутѣ, такъ и къ раздраженію со внѣшними народами; да и тщится показать, аки бы многихъ россійскихъ лучшихъ персонъ къ римскому исповѣданію преклонныхъ;—что все отчасти выше уже показали мы, а больше еще покажемъ въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ. Когда же надѣется онъ, что сіе твореніе его непрезримо будетъ у ея величества, а надежду того имѣетъ въ извѣстномъ ея величества благочестіи: то подаетъ на ея величество мнѣніе простымъ людямъ, а наипаче въ иностранныхъ народахъ, будтобы великая государыня съ римскою церковію хранитъ согласіе. Всякъ бо вѣдая, какъ, напримѣръ, въ польскихъ странахъ нашего исповѣданія людей нетокмо не имѣютъ за благочестивыхъ, но безмѣрными лаями безчестятъ, и пуще жидовъ ставятъ,—когда увидитъ, что Рибейра за извѣстное благочестіе почитаетъ государыню, помыслитъ, что таковую ея величеству похвалу воздаетъ Рибейра не просто, но развѣ извѣстясь о великой ея величества къ вѣрѣ ихъ благосклонности. Такъ—то истинно и ясно, что кого злой человѣкъ хвалитъ, безчеститъ его.

4. Тогожъ порока видъ налагаетъ на ея величество и въ окончаніи предисловія, гдѣ нарицаетъ перо свое весьма ея величеству повинующееся, подая чтущимъ догадъ, будто-бы онъ написалъ сіе по повѣленію ея величества; тамъ-же обѣщаетъ, что покровительствомъ государыни утвержденъ, (котораго и проситъ), еще изъ Испаніи перомъ своимъ трудиться будетъ. А симъ своимъ обѣщаніемъ внушаетъ, будто таковые труды его ея императорскому величеству и вѣдомы, и любимы, и впредъ желаемы; и потомъ желаетъ, да Богъ дѣйствіемъ ея величества соединитъ церкви: извѣстно-же всѣмъ, что римскаго собранія люди, а наипаче учители, не инаго соединенія съ несогласными себѣ ищутъ, только ихъ же, хотя неразсуднаго, подъ власть папежеву покоренія. Доселѣ отъ предисловія.

5. Въ самой книжицѣ, на страницѣ 12, пишетъ Рибейра слѣдующую рѣчь: «не неисповѣмъ, рече, что въ Россіи случалось мнѣ съ премудрѣйшими немалое число имѣть бесѣды, между которыми едва одного могъ бы я познать, что католикамъ онъ весьма противенъ». Коимъ онъ Рибейра оклеветаніемъ порокъ оный, выше въ первомъ пунктѣ отъ насъ означенный, на учительныхъ въ Россіи человѣкъ повторяетъ, да весьма ясно.

6. На страницѣ 14, говоритъ Рибейра тако: «если мнѣ сказать, что самъ въ Россіи видѣлъ, многіе обрѣтаются изъ русскихъ людей, которые при священнодѣйствіи мною совершаемомъ присутствовали, которыхъ призналъ, что въ публичной нашей церкви во время священнослуженія съ превеликимъ стояли благоговѣинствомъ».

7. На той-же страницѣ 14, показуя, каковая русскихъ къ римлянамъ благосклонность и, вопреки, каковое къ протестантамъ неблаговоленіе, приводитъ свидѣтелей на то и бездушныхъ, то есть колоколовъ, и сказуетъ: «мы де католики публичными колоколами въ Москвѣ въ церковь созываемся, а лютеранскимъ церквамъ непозволено того дѣлать ниже маленькимъ бряцальцомъ».

8. На страницѣ 16, Ѳеофана архіепископа новгородскаго, почтивъ титлою премудрѣйшаго, коварно порицаетъ склонностію къ протестантамъ, за то, что онъ въ нѣкоемъ словѣ своемъ назвалъ Буддея зѣло ученымъ богословомъ. Какъ сильно уче-

ный былъ Буддей, всему ученому свѣту извѣстно, таковымъ его славятъ и самые ученые католики. Да Рибейра клеветникъ ставитъ въ вину несогласныхъ исповѣданію учеными называть. Для чего-же и изъ жидовъ Илію Левита и Моисея Маймонида, и изъ магометанъ Аверроя и Авиценну и прочихъ, и изъ идолопоклонниковъ Омира, Сократа, Платона, Аристотеля и иныхъ многихъ, какъ сами католики, такъ и мы ученѣйшими называемъ? Мы же многихъ и католическаго собранія мужей, разными ученіи просіявшихъ, называемъ учеными, кромѣ таковыхъ, каковъ Рибейра мудрецъ.

9. На страницѣ 27, Ѳеофилакту тверскому архіепископу сочинилъ похвалы слѣдующія: «премудрѣйшій Ѳеофилактъ Лопатинскій, тверскій архіепископъ, въ школахъ, и по моему извѣстію преострѣйшій богословъ, въ епархіи предобрѣйшій пастырь, въ Синодѣ праведнѣйшій судія, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій». Необычная похвала, да еще тому, сколько мы вѣдаемъ, съ которымъ Рибейра рѣдко когда и видался. Извѣстное лукавство—въ непріятельствѣ того и съ противной староны нарочно выхвалять, кого надобѣ подозрѣннымъ человѣкомъ между своими ему сдѣлать. Если же не тоже Рибейра и съ тверскимъ архіереемъ дѣлаетъ, то незнаемо, что бы-то другое было.

10. На той же 27 страницѣ иностранныхъ въ россіи мужей ругательно нарицаетъ человѣчками или людишками, и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается: видно на кого онъ за препитаніе иностраннныхъ въ россійскомъ государствѣ нарѣкаетъ.

11. Здѣже приводимъ и другое Рибейрово злословіе на служащихъ въ россіи иностранныхъ, которое онъ въ сей же книжицѣ написалъ на страницѣ 146: здѣ явственно и именно презеса петербургской академіи злодѣйствомъ опорочивъ, придаетъ сію рѣчь: «и то-де недивно, понеже вси лютеране суть, что таковая ихъ правда и вѣра и въ дѣлахъ гражданскихъ». И тако разумѣтъ надлежитъ, что таковыхъ мужей питаетъ и почитаетъ монархія русская. Какъ же здѣ невидать, каковую ея императорскому величеству почесть дѣлаетъ плутецъ сей, и еще въ книжицѣ, ея же величеству подносимой? Всѣхъ сплошь

протестантовъ, изъ которыхъ многое число — честные особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и въ гражданскомъ чинахъ, рангами высокими почтены служатъ, неправдою и невѣрностію помаралъ: изъ чего великопочтеннымъ особамъ немалое учинилъ огорченіе, а пристатіемъ ихъ монархію россійскую, и потому во первыхъ самую монархиню попрекаетъ.

12. На страницѣ 35, во утвержденіе того, что будто восточнаго исповѣданія люди благосклонны къ исповѣданію римскому, пишетъ слѣдующее: «мудріи Греки не гнушаются латинами, но еще и свя̂щеннослуженія ихъ почитаютъ; яко-же когда и самъ я отправлялъ святую литургію въ великомъ монастырѣ троицкомъ, тогда тамо благоговѣйнѣйше предстоялъ архимандритъ сомногими, о чемъ тысячнократно свидѣтельствовать буду». Не сомнѣваемся, что Рибейра какъ сіе, такъ и сего больше по народамъ трубить похощетъ, понеже то таковымъ мотамъ обычно и свойственно; толькоже и то намъ неусумнительно, что у благоразсудныхъ мужей лживецъ сей нигдѣ себѣ вѣроятія неполучитъ. Кто бы толь безстыдныхъ вракъ не поплюетъ? И съ чего бы троицкому архимандриту, (который и церемоній папежской церкви никогда прежде невидалъ, нетолько силы ихъ отнюдь незнаетъ; а одно то знаетъ, что римляны отступники),—и съ чего бы ему родилось при шептаній мшы ихъ умиленіе и благоговѣйнство? Стоитъ попикъ Рибейра въ необычномъ платьѣ, въ нѣкой избѣ, у стола простаго, и невѣдомо что тихо пошептуя, съ угла стола къ углу передаваяся, пошатываяся, на одно колѣно приламываяся и неоднократно къ предстоящимъ незапно—будто спугать хощетъ, обращаясь. А сіе дѣйствіе привело-бы архимандрита къ теплѣйшему набоженству? Не паче ли въ недоумѣніе приходилъ архимандритъ, удивляясь, что дѣлается, комедія ли какая или волшебство? А когда ему сказано, что то латинская обѣдня, не могъ онъ воистину несоблазниться, видя какъ ихъ священнослуженіе неблагообразно, безъ пѣнія, въ частыхъ шатостяхъ, въ тихихъ пошептахъ, въ тайныхъ и противныхъ съ однимъ мужикомъ переговоркахъ, ни отъ кого неслышимо, только зримо, а наипаче, что въ простой избѣ, и на простомъ столѣ, гдѣ обычно ѣдятъ и пьютъ; и воистину, кто исперва таковое ихъ мшеваніе увидитъ, хотя бы хотѣлъ притворить видъ бла-

335 говѣйный, да не можетъ либо для соблазна, либо для смѣха. Но и почему Рибейра объ архимандричемъ благоговѣинствѣ увѣдалъ? Самъ ли то усмотрѣлъ? да онъ спиною къ зрителямъ стоялъ. Развѣ нарочно оглядывался, какъ въ школьныхъ диспутаціяхъ? и если такъ, то онъ не о томъ мыслилъ, что дѣлалъ: набожный священникъ! А если ему кто сказалъ о томъ, то какъ онъ о томъ тысящекратно свидѣтельствовать смѣетъ? Подлинно се нерядовое вранье, да то такъ знающіи и разсуждающіи осудятъ. А если бы о семъ въ слухъ простолюдинамъ пришло, нелегкую смуту враль сей сдѣлаетъ,—вложитъ въ сердца грубымъ человѣкамъ мнительства, зазрѣнія, неразумныя ревности, возбудитъ междоусобныя въ народѣ нашемъ вражды, распри и мятежи, и преклонитъ ко увѣренію своего лживаго чванства, что премногія духовныя русскія власти просили его о сочиненіи книги сей, о чемъ слово было въ первомъ пунктѣ.

13. На страницѣ 29, по нѣкоей причинѣ, открываетъ намѣреніе свое, что онъ хощетъ еще впредь писать книгу о нравахъ и обычаяхъ народа русскаго: которыми словами застависъ насъ дожидаться, что онъ объ насъ написать соизволитъ. Надлежитъ же намъ, по моему мнѣнію, какимъ возможно способомъ напряженную сію отъ Рибейры затѣйку предварить, и если не пересѣчь, то хотя бы то стѣлать, чтобъ она и стыда и вреда народу россійскому не учинила; понеже нельзя надѣяться, чтобъ чего весьма дурнаго въ описаніи русскихъ обычаяхъ не навралъ. Не мало видимъ, какъ много древніе, въ описяхъ русскаго государства, на стыдъ нашего отечества наплели. Еще жъ бы писали нѣчто, хотя и непохвальное, да истинное: а то напачкали, чего вѣкъ небывало. Дѣлали то отъ легкомысленнаго скоровѣрія; и что кто отъ бывшихъ въ Москвѣ людей своихъ услышалъ, то нимало, какъ долженъ былъ, не изслѣдовавъ, писанію предавалъ и на позоръ свѣта произносилъ. А сей нашъ дорогой патронъ, не то чтобъ по глухому какому слуху скоровѣріемъ ошибся, но — и чего не видалъ и не слыхалъ — въ своей вѣтренной головкѣ устроя, по площадямъ (тако рещи) продаетъ: великій лгать охотникъ, какъ уже и по симъ примѣчаніямъ нашимъ явилось довольно. А понеже обайщикъ сей, что ни лжетъ, не просто лжетъ, но или отъ

природной своей злобы, или отъ чуждаго наущенія много плевелъ разсѣеваетъ, на укоризну и вредъ россійскаго государства, (что и изъ преждепоказанныхъ басней его видѣть мощно, и еще ниже сего яснѣе покажется): то кто можетъ ручаться, что онъ въ обѣщаемой своей другой книгѣ ничего на насъ худа не составитъ? Чудно же, что нѣкіимъ за благо показалось сію его книжицу и на языкъ русскій перевесть! Еслибы такъ сдѣлалось, тобы мы заранѣе нашего сего оглагольника, подъ видомъ доброхота принявъ апробовали и акибы присвоеннаго намъ поборника увѣнчали. И тако, чтобы онъ еще и впредь не налгалъ на насъ, трудно бы намъ его отводить, яко лжесвидѣтеля, когда бы самимъ книжицы его пріятіемъ наша на него ссылка показалась. Богу же благодареніе, что такъ не сдѣлалось.

14. На страницѣ 181, по причинѣ богословскаго разсужденія: нужда ли къ вину приливать и воду въ совершеніе евхаристіи, приводя мнѣніе протестанское, яко нѣтъ въ томъ нужды, написалъ ругательный пашквинатъ на всю обще нѣмецкую націю. Когда же такъ ругаетъ весь нѣмецкій народъ, даромъ чтобъ одинъ онъ предъ славнымъ тѣмъ народомъ виноватъ былъ, а то и насъ влечетъ къ винѣ своего ругательства; понеже книгу сію къ ея императорскому величеству подписалъ, показуя тѣмъ самымъ, что все то, что онъ ни блюетъ, и россійскому народу, пачеже всероссійской самодержицѣ пріятно и мило. Достойна же примѣчанія и ошибка его. Вѣдаетъ онъ, что въ нѣмецкомъ народѣ не токмо протестанты, но и римскаго исповѣданія нарицаемые католики множество безчисленное, и не простой только народъ, но и высокій—принцы и духовныя власти и ему одноличныя, кромѣ прочихъ, доминиканы, а выше всѣхъ его цесарское величество: то же онъ вѣдая, весьма неопамятовався, и затѣявъ изблевать лаи своя на однихъ протестантовъ, сплошь всѣхъ и католиковъ тѣми же своими блевотинами перемаралъ.

15. На страницѣ 202, англійскаго претендента Іакова называетъ Іаковомъ Третьимъ, истиннымъ англійскимъ королемъ, — что, еслибы онъ книжицы своей ея императорскому величеству не подписалъ, до насъ бы не надлежало. Но понеже и въ са-

момъ заглавіи большими литерами напечатано, что книга сія ея величеству дедикована, то есть приписана и поднесена, — и предисловіе къ ея величеству, великими же словами имя ея величества изобразуя, устроено, — и въ предисловіи томъ неоднократно Рибейра то болтаетъ, отчего является, будто сія его книжица какъ народу русскому, такъ и самой ея императорскому величеству желаема и любима: то посему слѣдуетъ, что Рибейровыми рѣчми вся имперія россійская претендента онаго за прямаго и истиннаго короля англійскаго почитаетъ, а тѣмъ самимъ Георгія владѣющаго за короля не имѣетъ, но развѣ за тиранна. Каковое же се и коликое ея величества и подданныхъ ея оклеветаніе, и куды она смотритъ и къ чему клонитъ, проницательно выразумѣетъ высокоучрежденное министерство. А каковые и мнѣ приходятъ догады, съ покорностію при семъ предлагаю. Понеже были уже нѣкія искры къ зажженію военной распри между имперіею россійскою и короною англійскою, да искры оныя, слава Богу, угашены: того ради мнится мнѣ, что какъ преждеявившійся между упомянутыми государствами раздоръ претендентовой сторонѣ былъ благопріятенъ и надеженъ, если не для чего другаго, то хотя для того, что занятая войною Англія меньше бы имѣла силы противиться претендентовымъ поборникамъ: такъ вопреки, когда раздоръ оной испразднился, упали и надежды претендентовой факціи. Не тожъ-ли то затѣвано и чрезъ враки Рибейрины, дабы видя въ книжицѣ его мятежные на короля Георгія замахи, а по дедикаціи книги сей ея императорскому величеству помышляя, будто Рибейра написалъ тако согласно съ намѣреніемъ россійской монархіи, возъимѣлось бы въ Англіи сумнительство о россійскомъ съ собою мирѣ, и будто бы изъ Россіи наготованы претенденту помощи; и оттого Георгіевой сторонѣ родился бы страхъ, а претендентовой возобновилась бы надежда? Утверждается мнѣніе мое и потому, что сей же казнодѣй и предику на тезоименитство претендента въ слободской римской киркѣ въ Москвѣ при собраніи многихъ, не одного государства честныхъ лицъ, нарочно созванныхъ, гаркалъ, произнося не малыя претендентову иску похвалы, и нелегкіе на Георгіево владѣніе укоризны, и старался, дабы оная его предика напечатана была въ академіи

с. петербургской, и оную предику дедиковалъ королю великобританскому, то есть претенденту, какъ самъ въ сей книгѣ пишетъ на страницѣ 146. Еще же слышно, что въ тотъ же день претендентова тезоименитства на трактаментѣ тѣхъ разнонародныхъ гостей, въ томъ числѣ и англійской націи знатныхъ лицъ, на квартирѣ князя Делирія, по причинѣ претендентова якобы законнаго короля прославленія, загорѣлись было тяжелыя ссоры и насилу посредствіемъ честныхъ персонъ угашены. Да и то самое догады мои подкрѣпляетъ, что князь Делирій претенденту, какъ ни есть, да свой. И если то дѣлалось, то не маловажною въ книжицѣ сей повѣстію почтили они ея императорское величество, какъ въ англійской, такъ и въ другихъ государствахъ.

16. Къ тому жъ относится, да за нѣчто особливое и особливаго примѣчанія требуетъ, что Рибейра тамъ же къ упомянутой претендентовой похвалѣ приточилъ,—гдѣ пространно сказуетъ, какъ покойный король Георгій, для возшествія своего на престолъ англійскій, отсталъ отъ своей вѣры, въ которой онъ родился и какъ-то ему нѣкто изъ англичанъ въ томъ спорилъ, и каковые къ украшенію оной перемѣны исканы были оправданія, — и заключаетъ повѣсть сію Рибейра гнусною нѣкоею двоеглаваго урода притчею весьма досадительною, и тѣмъ плутъ сей англійскому и другимъ народамъ внушаетъ, что понеже книжица его россійской государынѣ приписана, тò-де въ Россіи думаютъ, что онъ пишетъ; и нетокмо тайный съ претендентомъ союзъ заключенъ, но по примѣру осужденія короля Георгія и о прочихъ государяхъ постоянствѣ или непостоянствѣ въ вѣрѣ судятъ, и то не въ какомъ приватномъ углѣ, но въ монаршемъ кабинетѣ, при самихъ высочайшихъ совѣтахъ. И походило сіе на нашъ къ англійскому государству выговоръ.

17. На страницѣ 205, воспоминая, кромѣ Буддея, еще и другаго нѣкоего богослова протестантскаго, которымъ онъ себя въ соперника ставитъ, придаетъ слѣдующую рѣчь: «не сомнѣваюсь-де, что съ Россіи будутъ мнѣ доносить, коль кратно мнѣ удобно будетъ, сему или которому ни есть другому (изъ противниковъ) сопротивно стать, донелѣже хотя говорить мнѣ Богъ допуститъ». Которымъ хвастаньемъ показуетъ Рибейра,

будто онъ сталъ уже русскимъ апостоломъ, и будто Россія вѣчнаго своего спасенія управу на него возложила. Таковая хвастанья сего сила изъ того является, что не именно говоритъ, кто имѣетъ доносить ему и помощи у него на противниковъ церкви нашея просить; но изъ Россіи-де доносить будутъ. Симъ же паки буесловствомъ утверждаетъ первое свое лжесловіе къ лицу ея императорскаго величества написанное, будто бы его премногія духовныя власти русскія къ писанію сея книжицы напрашивали. А можетъ быть, что когда такъ пространно лжетъ, отчасти и правду говоритъ. Можетъ быть и имѣетъ у насъ нѣкіихъ, хотя немногихъ, которые въ томъ ему служить обѣщались, какъ то знать можно и потому, что нѣкіе у насъ и книжицу сію на русскій языкъ переводить потрудились, да тайно. Такожъ и съ испанскимъ секретаремъ, какъ тайныя бесѣды, такъ и переписки въ скрытной силѣ чинили, а въ томъ познаны и допрашиваны — упрямо запирались, чего имъ не могла быть иная нужда, только трепетная въ лукавомъ сковничествѣ совѣсть.

18, На страницѣ 215 упомянувъ, что авторъ книги: «Камень вѣры», нарицаетъ протестантовъ отъ магометанъ нелучшими, самъ Рибейра нѣчто сильнѣйшее произноситъ: «я-де вящше праведный судія доказать хощу, что они (протестанты) злѣйшіе отъ магометанъ». Изрядная похвала не токмо толь многимъ ея императорскаго величества высокочестнымъ служителямъ, но и коронованнымъ головамъ, ея же императорскаго величества союзникамъ! А произносится то подъ притворенным имени ея величества щитомъ.

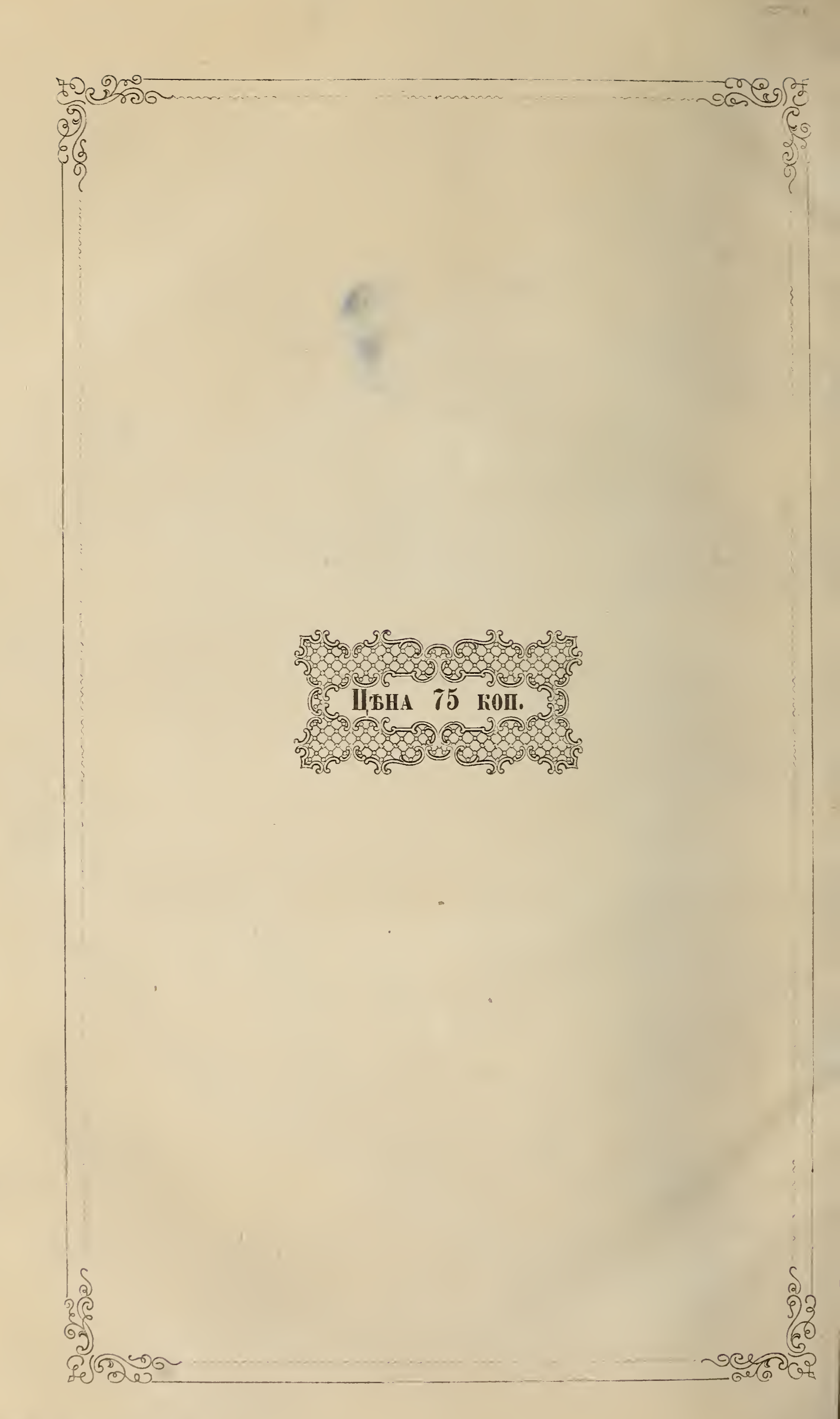
19. Наконецъ пишетъ, какъ будто русскій народъ всѣхъ обще протестантовъ оцѣняетъ и отъ имени русскихъ людей жестокое протестантомъ поруганіе, сочиняя оное изъ словесъ апостольскихъ, да своими толками переплетывая, произноситъ въ слѣдующихъ рѣчахъ: «уже народъ сей (русскій) знаетъ васъ, что таковые вы, каковыхъ описуетъ Павелъ: человѣцы самолюбцы, любящіи себѣ паче, нежели церковныхъ учителей, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, родителемъ (духовнымъ) противляющіеся, неблагодарны (Христовой церкви), неправедны, нелюбовны, не примирительны, продерзливы, взносливы,

прелагатае, клеветницы, невоздержницы, не кротцы, не Боголюбцы, предатели (Евангелія, якоже той Христа лобзаніемъ предавшій), нагли, напыщены, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имущій образъ благочестія, силы же его отвергшіеся». Довольно похвалы. Мощно бы здѣ показать ясно, каковая Рибейрова тупость и глупость въ разумѣніи св. писанія; ибо, хотя вси христіанское ученіе развращающіи (если то злословѣстно, а не отъ недоумѣнія творятъ) нарѣканія достойны: однакоже не вси ровному нарѣканію подлежатъ. Напримѣръ, о сынахъ Божіихъ, которые полюбили дщерей человѣческихъ за красоту ихъ, многіе изъ древнихъ славныхъ учителей разумѣли, что то были ангелы и симъ грѣхомъ отпали отъ милости Божіей: такое ученіе было Тертулліана, Иринея священномученика, Іустина мученика, священномученика Кипріана, священномученика Меѳодія Патрскаго и другихъ нѣкіихъ. Да сіи не злосовѣстно такъ учили, но отъ недоумѣнія. Если же бы кто и упрямо въ томъ стоялъ, равнаголи безчестія былъ бы онъ достоинъ съ Павломъ Самосатскимъ, Сергіемъ, Македоніемъ и прочими злѣйшими? Весьма не то. А въ приведенныхъ и перепорченныхъ отъ Рибейры апостольскихъ рѣчахъ не просто, и не какіе нибудь развратники, но самые сущіи безбожники, подъ видомъ правовѣрія крыющіеся, да отъ безсовѣстныхъ дѣлъ познаваемы, описуются; которую опись всегда видѣть мощно на ханжахъ, лицемѣрахъ, пустосвятахъ, что явно отъ послѣдняго апостольскаго порицанія: образъ благочестія имущіе, силы же его отвергшіеся. Еще же хотя бы словеса сія и на развратниковъ какихъ ни есть гремѣли, однакоже на единыхъ злосовѣстныхъ учителей, а не просто на весь народъ отъ нихъ прельщенный: а Рибейра всѣхъ обще протестантовъ, безъ изъятія и выключки, таковымъ-то характеромъ пожаловалъ, въ которомъ числѣ не посмотрѣлъ онъ и на самыхъ верховныхъ государей. Грѣшилъ же бы онъ, когда ему такъ понравилось, самъ собою: а то бѣда, что таковое злорѣчіе на русскій народъ навязуетъ. Не онъ Рибейра, но по его сказкѣ народъ русскій такъ безчеститъ всѣхъ обще протестантовъ. Если же сему кто повѣритъ, то долженъ вѣрить, что всѣ люди русскіе тако поносятъ англій-

скихъ, дацкихъ, прусскихъ, шведскихъ и прочихъ людей, то есть всѣхъ сплошь и владѣющихъ и владѣемыхъ. И если кто повѣритъ, что мы Рибейру домогательно просили сочинить книжицу сiю: то вѣрить долженъ, что мы просили Рибейру, дабы какъ вяще возможно обругалъ онъ именемъ нашимъ всѣ упомянутыя особы. И еще буде повѣритъ кто, что перо Рибейрово въ писанiи сей книжицы повиновалось ея императерскому величеству: то подумаетъ, что онъ, по требованiю ея величества, то написалъ. Вѣдаемъ, что развѣ бы сумазбродный тому повѣрилъ, да Рибейровы рѣчи показуютъ, будто русскiй народъ толь желчную злобу и ненависть къ многимъ иностраннымъ народамъ имѣетъ.

И тако, по моему мнѣнiю, изъ примѣченныхъ и здѣ показанныхъ въ Рибейровой книжицѣ разныхъ лжесловiй является, что Рибейра своимъ или чужимъ намѣренiемъ, подъ видомъ доброхотной къ исповѣданiю нашему защиты, насѣялъ многое число вредныхъ плевелъ, и къ раздраженiю иностранныхъ народовъ на русскiй народъ, и ко междоусобной внутренней въ народѣ россiйскомъ смутѣ. Приходитъ же мнѣ на мысль, что въ прежнiе многiе годы, начиная отъ 1700 года, въ Польшѣ, и въ Италiи и въ другихъ иноземныхъ странахъ, iезуиты и прочiи католицкiе духовные учители разсѣевали непрестанно вѣдомости, будто бы блаженныя памяти государь императоръ Петръ Первый, принимаетъ или принялъ съ римскою церковiю соединенiе, и ложнымъ тѣмъ слухомъ, какъ греческимъ такъ и русскимъ восточнаго исповѣданiя людямъ не малое чинили въ вѣрѣ сумнительство. Сiе же воспоминая, не могу не имѣть подозрѣнiя, что не къ тому же ли намѣренiю и Рибейровы, въ сей его книжицѣ, лжесоставныя объявленiя устроены? Еще же и сего забывать ненадлежитъ, что въ напечатанной у насъ о бывшей войнѣ шведской книгѣ при концѣ выписано, какъ въ царство Iоанна Васильевича, у многихъ иностранныхъ великое было попеченiе, дабы россiйскiй народъ не приходилъ въ вящшую современемъ силу; и того ради запрещено, чтобы никто изъ людей ихъ не ходилъ въ Россiю съ ученiемъ огненнаго оружiя, а наипаче флотоваго дѣла, подъ жестокою казнiю. Изъ чего мощно знать, что когда то, чего

опасались, неминовало, не малая многимъ родилась печаль, да печаль оная скоро перестала, когда дѣломъ отвѣдано, что не только съ россійскимъ народомъ мощно имѣть несумнительныя заключенія мира, но и благонадежные союзы. Однако же нельзя намъ совершенно надѣяться, дабы между многими иностранными, прежнее недоброе о россійскомъ народѣ мнѣніе на лучшее перемѣнившими, не находились нѣкіе, се завистію, се же другою коею, по приватнымъ умысламъ, враждою смущаемы и недоброхоты, которые не веселыми очами на благопоспѣшество россійской имперіи посматривая и всякихъ способовъ къ разслабленію русской силы пріискуя, могли и сей усмотрѣть, чтобъ россіянъ оклеветать, яко зѣло не страннолюбивыхъ и ко всѣмъ внѣшнимъ враждебныхъ, и потому и миротворенія и союзничества съ ними не имѣть за крѣпкіе и неподозрѣнные. А многіе въ книжицѣ Рибейровой на россійскій народъ наложенныя злорѣчія не тому-жъ ли клеветанію пособствуютъ, высокопочтеннѣйшаго министерства разсужденію оставляю.

Цѣна 75 коп.

LIBRARY OF CONGRESS
0 017 149 693 7